№ 1 (92) 2012

абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

БАЖ падрыхтавала агляд «Парушэнні правоў журналістаў і СМІ ў 2011 г.»

СМІ
ў Беларусі
ЭЛЕКТРОННЫ БЮЛЕТЭНЬ
агляд

«Вызначальны ўплыў на развіццё сітуацыі са СМІ ў Беларусі ў 2011 г. зрабіў палітычны і эканамічны крызіс у краіне пасля прэзідэнцкіх выбараў 19 снежня 2010 г. і наступных рэпрэсій супраць апазіцыі і грамадзянскай супольнасці», — гаворыцца ў аглядзе.

Паводле БАЖ, найбольш сур'ёзнымі парушэннямі правоў незалежных СМІ і журналістаў у 2011 г. былі:

• крымінальны пераслед журналістаў;

• масавыя затрыманні журналістаў у часе акцый пратэсту на працягу ўсяго 2011 г.;

• пазбаўленне «Аўтарадыё» права на вяшчанне і зыскі аб спыненні выпуску газет «Народная воля» і «Наша Ніва»;

• вяртанне ў Беларусь чорных спісаў артыстаў, літаратараў, музыкаў;

• абмежаванне свабоды дзейнасці ў інтэрнэце;

• узмацненне эканамічнай дыскрымінацыі незалежных СМІ.

Новы выпуск электроннага бюлетэня «СМІ ў Беларусі», прысвечаны парушэнням правоў журналістаў цягам мінулага года, даступны ў фармаце PDF на беларускай, англійскай і рускай мовах на сайце БАЖ baj.by у раздзеле «Маніторынгі».

абажур
ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 1 (92) 2012 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота
Photo.bymedia.net

На вокладцы –
фота Юліі Дарашкевіч, Жанны Сідарук

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 16.01.2012 г.
Дата выхаду 27.02.2012 г.
Фармат 60х84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада.
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Александр Галич

Владимир ДЗЮБА

Пресс-хата «в законе»

С наступившим, друзья! И с новыми проблемами, в списке которых особое место занимает старая и обкатанная еще с советских времен система расправы с вольнодумцами, которые нашли в себе мужество критиковать нынешнюю власть и ее вождей. Это не только опальные политики, но и журналисты, наши коллеги по БАЖ.

...За окном разыгралась такая редкая для нынешней зимы вьюга. Представляю, как кутается в арестантский бушлат недавний кандидат на пост президента Андрей Санников, как в штрафном изоляторе запивает водой пайку черного хлеба тоже вчерашний кандидат на самый высокий пост Николай Статкевич. Вот на плацу за колючей проволокой, подняв воротник и нахлобучив шапку-ушанку, в шеренге заключенных стоит Дима Бондаренко: ему тяжело, болит позвоночник. А Паша Северинец, отбывающий срок на «химии», сейчас, скорее всего, наводит порядок на насквозь промерзшем, заваленном запчастями складе...

История продолжается

Как на самом деле проходит жизнь известных в Беларуси людей, которые оказались в заключении за свою гражданскую позицию, можно только представить. Адвокатов и родных к некоторым из них не пускают, письма из неволи — тоже редкость. Государственные телеканалы, как, впрочем, и госпресса, никогда об этом не расскажут. Вот оболгать, морально уничтожить оппонентов нынешней власти — это пожалуйста. Именно такую систему штатные пропагандисты считают эффективной. Ведь клевета, выдаваемая за истину, приносит невыносимые душевные страдания и боль не только тем, кто в силу изоляции не может за себя постоять, но и родным и близким осужденных. Вдобавок к лишению свободы власть применяет к неугодным гражданам еще и морально-психологический расстрел, напоминающий затянувшуюся пытку.

Обслуживающие власть журналисты были всегда. В приснопамятные советские времена они ноздря в ноздрю, в одной шеренге гордо вышагивали с партийными пропагандистами. И клеймили, клеймили, клеймили... До тех пор, пока их патроны не прошляпили развал «великой советской родины» — СССР. Попросту говоря, большую и могучую страну, некогда занимавшую шестую часть суши, разворовали, продали, пропили и про...али.

Опустим козни западных политтехнологов, на которых сегодня вешают чуть ли не всех собак. Да, «злорадные буржуи» добивались своего. Но куда смотрели силовые структуры, отвечавшие за безопасность? Как известно, сотрудники этих структур, за исключением разве что контрразведки, выявляли и преследовали «внутренних врагов», которые выступали против коммунистического застоя. И помогали «блюстителям порядка» блюдолизы с красными корочками журналиста в кармане. Вместо того чтобы всерьез бороться с криминалом и коррупцией, ребята «при исполнении» занимались политическим сыском. Тогда многих умных, принципиальных и образованных людей советская власть отправила в лагеря и ссылки. Кого-то просто выдворила за пределы социалистического отечества, кого-то определила в психушку.

Но в 1991-м начался раздел народной собственности, которую по диким законам джунглей рвали на куски вчерашние партийные боссы и криминальные группировки. И «клеймилы» вновь пригодились: ведь новым «хозяевам жизни» нужно было до смерти затравить не только конкурентов, но и умников-интеллигентов, которые пытались открыть людям глаза на растаскивание народного добра, на окончательное уничтожение каких-либо общественных моральных устоев.

«Опущенные»

В одной из воскресных программ БТ («В центре внимания», 11.12.2011 г.) показали состряпанный на скорую руку, мерзкий по своей сути видеоматериал, направленный на дискредитацию Андрея Санникова. Какой-то запуганный мужик поведал телезрителям, что должен был передать авторитетам на зоне «маляву» (письмо). С тем чтобы те обратили внимание на Андрея Санникова, который якобы по своей воле зашел в камеру с «опущенными». Тут же голос за кадром, как водится, анонимный, без фамилии, сообщил, что теперь Санников находится «на самом дне» пенитенциарной системы.

И вазелин, закаченный под кожу кисти правой руки мужика-рассказчика, и его жаргон — все эти внешние атрибуты криминальной «крутизны» должны были впечатлить неискушенного телезрителя. Однако эффект получился совсем обратный, о чем свидетельствуют комментарии, размещенные на негосударственных сайтах: люди в негодовании плюются от таких «видеоклипов». Не хотят привыкать ко лжи. Ибо знают, особенно старшее поколение, что ложь, возведенная в ранг государственной политики, способна уничтожить и государство, и его граждан.

Мужиком-«почтальоном», по словам той же спрятавшейся за кадром телешавки, оказался Юрий Чигилейчик, активист информационно-просветительского учреждения «Платформа» (http://odsgomel.org/rus/news/key/person/). Человек, если верить БТ, с криминальным прошлым, который до сих пор не «завязал»...

Как так? Ведь криминальные авторитеты на то и авторитеты, чтобы все решать «по уму». Неужели не смогли передать «маляву» с надежным человеком, живущим «по понятиям»? Откровенный же рассказ «курьера» в телеэфире с известным моральным кодексом братвы никак не стыкуется. Ведь только по решению сходки или смотрящего (на воле или на зоне) человек может контактировать со СМИ. В противном случае придется отвечать за «базар» — хоть на воле, хоть за тюремным забором. Чигилейчик этого не знал или его так «отпрессовали», что было уже не до понятий?

По информации интернет-ресурса www.belaruspartizan.org, в ноябре минувшего года Ю. Чигилейчика, который вышел из квартиры минских друзей, жестоко избили: *«Как только все спустились вниз, раздались взрывы, кругом все затянуло дымом и их стали избивать.*

Очевидцы утверждают, что слышали крики Юры и как его били с остервенением и долго. Потом кто-то крикнул, что их нужно обыскать. Обыскивали только Юру, причем обыском это назвать сложно: к нему просто подошли и достали из ботинка какой-то пакетик. Интересно, что при этом никого из понятых, по словам очевидцев, не было...

Сразу после задержания Юрия поместили в Республиканскую больницу с травмами суставов и черепа...

ИПУ "Платформа" обратилась в Генеральную прокуратуру с сообщением о жестоком избиении Юрия Чигилейчика, однако до сих пор никакого ответа не последовало.

В настоящее время Юрий Чигилейчик продолжает оставаться обвиняемым по ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь (незаконные без цели сбыта изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка или пересылка наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров — наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на срок от двух до пяти лет)».

После этой информации я бы не стал осуждать человека, который, попав в такой переплет, остался один на один с системой и не выдержал прессинга. В руках власти он — просто живой инструмент, очередная изувеченная судьба. Жертва, брошенная на алтарь лжи. С единственной целью — опорочить, духовно сломать других, кого власть действительно боится.

Даже находясь за решеткой, в полной изоляции, бывший замминистра иностранных дел Беларуси Андрей Санников очевидно представляет для системы опасность. Образованный, владеющий иностранными языками, сильный духом и своими демократическими убеждениями. Как и правозащитник Алесь Беляцкий, как политик Николай Статкевич, которого «в наказание» перевели из исправительной колонии в крытую тюрьму № 4 г. Могилева. Как, впрочем, и все остальные, которых белорусская и международная общественность считает осужденными по политическим мотивам, а власть выставляет как обычных уголовников. Однако образованная, т. е. весьма значительная, часть белорусского общества считает этих людей героями, страдающими за правду. А значит, теми, кто разделяет их взгляды.

«Я политические программы на БТ не смотрю и другим не советую», — сказала мне по телефону Ирина Халип, известная журналистка и жена Андрея Санникова. И я ее понимаю. Многие не смотрят, чтобы не травмировать психику.

Но смотреть надо, хотя бы иногда. Чтобы видеть, насколько опустились ниже известного «плинтуса» некоторые создатели информационно-аналитических программ. Наши, с позволения сказать, коллеги по профессии. Мне, наивному, порой не верится, что им нравится выдавать «на-гора» написанные под диктовку фальшивки. Ведь от

девальвации профессии недалеко и до полной деградации личности. Поэтому обращаюсь к ним вполне серьезно: ребята, съездите на зону и поговорите с теми, кого клеймите за глаза. Спросите, что о них думают соседи по «шконке». В натуре! Это будет репортаж по законам жанра, с эффектом присутствия журналиста на месте событий. Только представьте: «Наша телекамера установлена в тюремной камере…» Глядишь, и общественность успокоится. Или так и будете жить на полусогнутых? Потявкивая, повиливая, подлизывая. И прятаться за кадром, как за забором.

Интервью в «петушатнике»

— Что смотришь, сука?! Я тебя узнал! — худощавый, с виду спокойный «браток» в секунду разъярился и стукнул кулаком по железному, намертво влитому в цементный пол столу. — Вот расскажи журналистам, падла, как вы хотели меня подмять!..

Офицер КГБ, представившийся как куратор тюрьмы в Гродно, и молодой замполит корректно успокоили разбушевавшегося авторитета. Это была своего рода очная ставка осужденного, которого хотели «опустить», с теми, кто хотел… Но не вышло. Повидавший не одну ходку «блатной» (так себя называет определенная часть осужденных), чтобы спасти репутацию, полоснул по собственному животу лезвием. Его отнесли в санчасть. «На зоне» не редкость, когда честь и репутацию человека спасает кровь. Непростительные оскорбления, предательство, стукачество и другие мерзкие поступки здесь тоже смываются только кровью. В противном случае свои же могут «приговорить» к «определенному» статусу.

В тот день мы долго ходили по тюремным коридорам, на мой пленочный репортер легли десятки интервью и репортажей: из камер, где сидели рецидивисты и «мужики», где «тянули срок» блатные, которые ушли «в отрицалово», репортаж из тюремного штрафного изолятора, из «резиновой» камеры, беседы с администрацией и много чего еще. Володя Самойлов из «Народной газеты» тоже искромсал блокнот. Потом в эфире радиостанции «Беларуская маладзёжная» долго звучал цикл передач «За кратамі». Потому что из мест лишения свободы приходили десятки писем. Мы защищали права тех, кто столкнулся с беспределом. Но в первую очередь права наших граждан на спокойную и безопасную жизнь.

Это был конец 1980-х: полное разочарование в перестройке, очередной дефицит продуктов в магазинах и изобилие дешевой отравы для народа, например, убойного по своим свойствам спирта «Рояль» в литровых бутылках. А еще переполненные тюрьмы, следственные изоляторы и исправительно-трудовые колонии разного «разлива». Но выпущенная на свободу гласность уже приносила свои плоды. Иначе в учреждение закрытого типа нас бы никогда не пустили.

Уже тогда я понял, что подобные учреждения никого не исправляют. Это подтверждала не только статистика, но и разговоры «по секрету» с ответственными работниками МВД. Я понял, что пенитенциарная система — это государство в государстве. Со своим укладом, взаимоотношениями, со своей спрятанной за высокими заборами жизнью, неписанными законами и проблемами, маленькими и большими трагедиями.

В гродненской тюрьме, которую в народе издавна называют «крыткой», тогда действительно могла произойти трагедия. Сотни три осужденных объявили голодовку, а отбывали срок, если мне не изменяет память, на тот момент человек 360. Извечное противостояние между администрацией и осужденными, среди самих заключенных накалили обстановку до предела. До бунта был один шаг. Об этом я узнал из письма: большой лист бумаги, сложенный в плотную гармошку, мне передал стихийно созданный комитет родителей осужденных.

Их сыновья, отбывающие срок в «крытке», просили о помощи. Они писали, что во время «шмона» осужденных без причины бьют и унижают. Сначала в тесную камеру бросают взрывпакет, потом в задымленное помещение врываются бойцы в масках и всех ставят лицом к стене на растяжку. Ищут заточки и другие запрещенные предметы. Во время одной такой «профилактики» молодому парню резиновой палкой отбили мошонку. Потом в больнице ему сделали операцию и удалили опухоль. Вместе с яичками. Этот случай и стал той последней каплей, которая переполнила чашу терпения осужденных.

А еще в «маляве» (сленг БТ) сидельцы указали номер камеры, где, по их убеждению, администрация организовала «пресс-хату». И еще несколько камер, где «мужики расскажут о ментовском беспределе». Так мы «нашли» помещение, где действительно сидели только «опущенные». Если верить начальству, их на тот момент собрали вместе, чтобы уберечь от расправы. В этот «петушатник», по словам блатных, администрация и бросила пользующегося авторитетом заключенного, «чтобы его отпрессовали». Но от позора спасло лезвие бритвы…

Вывод

Перед нами как на ладони еще один лживый посыл пропагандистов БТ о том, что Андрей Санников якобы добровольно вошел в камеру с «опущенными». Перевести заключенного из одной камеры в другую могут только по распоряжению администрации тюрьмы. «Добровольного» перемещения в учреждениях закрытого типа просто не бывает!

Не думаю, что тюремное начальство по собственной инициативе решило «познакомить» Санникова с «опасной» камерой, чтобы испортить ему репутацию и заодно выслужиться. Для «кума» (начальника учреждения) это все же риск и ненужная головная боль. Ведь экс-кандидат в президенты — слишком заметная фигура, находящаяся в поле зрения международных правозащитных организаций. Поэтому не исключено, что в нарушение всех инструкций на «кума» надавили сверху. В таком случае получается, что «люди при погонах» вступили в сговор с вышестоящими исполнительными структурами? А те, в свою очередь, тоже получили отмашку?

Если это так, то это вам не «картина маслом», как говаривал Гоцман, герой фильма «Ликвидация». Это действительно беспредел. Способный трансформировать наше «суверенное, правовое» государство в одну большую и непредсказуемую «пресс-хату».

Евгений ОГУРЦОВ

Не сотвори себе кумира

На то и Рождество, чтобы помечтать о хорошем. К тому же мысль материальна, и если так же, как я, думают другие люди, то мир, глядишь, станет меняться.

Вот и праздник, вот и Рождество! Пусть его делят на католическое и православное, но для меня, у которого один дед — поляк из-под Кракова, а другой — русский из-под Нижнего Новгорода, Христос един!

Неправильных религий нет, есть подверженные страстям толкователи. Фанатичная вера в своих богов и святых — тоже грех. Не случайно на картинах Страшного Суда в первых рядах наказанных — священнослужители. Чиновники, от церкви или государства, почти не отличаются в своем ревностном служении не высокой идее, а человеку, своему иерарху.

На мой взгляд, это порок. Мы, люди, рождены свободными и равными. Нет среди нас царей и знати, когда мы голенькими и беззащитными появляемся из чрева матери! Это потом порок и лень заставляют придумывать себе идолов и кумиров, чтобы самому ни за что не отвечать. Чем в поте лица добывать свой хлеб, легче попрошайничать на жизнь у богатых и жаловаться сильным мира сего на плохих соседей.

Прошло 2011 лет новой эры. И что, люди стали лучше? Появились благородные правители и добрые богатеи? Человечество с помощью современных технологий построило рай на земле?

Увы, нет! Какую бы технику ни придумывали люди, но богатство появляется только у тех, кто обманет ближнего своего и заберет его имущество. Хотите сказать, что наши олигархи, которые родом из СССР, не сделали этого? Все без исключения многомиллионные состояния нажиты неправедно и обязательно прошли через кровь и страдания других, тех самых ближних, которых нам Христос завещал любить, как самих себя.

Зачем я рисую эти мрачные и известные всем картинки несправедливого мира? Для контраста. Потому что хочу сообщить благую весть, что не все так плохо и надежда на лучшую жизнь есть. Похоже, что человечество имеет шанс избавиться от царей, королей, президентов, премьеров, всех этих харизматичных вожачков и начальничков с «яйцами».

Что за чудо такое? Его все знают — это интернет! Посмотрите, что происходит в этом, на первый взгляд, виртуальном мире. Думаете, что пользователи компьютеров только в стрелялки и догонялки играют? Нет, они общаются, причем напрямую, без посредников и редакторов, получая информацию из первых рук, присутствуя в самых «горячих точках» в тот момент, когда события там только разворачиваются. Попробуй их обмануть и втюхать данные Центризбиркома от Ермошиной или Чурова! Ни за что не поверят!

Что из этого следует? Следуют знаковые события: «революция в социальных сетях» и «молчаливые протесты» в Беларуси, движение «Захвати Уолл-стрит» в США, Болотная площадь и проспект Сахарова в России. Ведь это великие примеры того, как без лидеров и вождей компании

«Захвати Уолл-стрит» — акция гражданского протеста в Нью-Йорке, проходящая с 17 сентября 2011 года по настоящее время. Цели участников акции — длительный захват улицы Уолл-стрит в финансовом центре Нью-Йорка для привлечения общественного внимания к преступлениям финансовой элиты и призыв к структурным изменениям в экономике. У акции не существует ярко выраженного лидера. Подобные акции стали происходить во многих странах по всему миру.

неравнодушных парней и девушек объединили вокруг своей идеи множество сторонников, сотни и сотни тысяч порядочных людей. Ты поддерживаешь эту идею, она тебе близка? Тогда выйди на площадь и похлопай в ладоши в «благодарность» обманувшей тебя власти, поставь палатку в Нью-Йорке, присоединись к митингующим в центре Москвы, стань, наконец, гражданином, а не подданным.

Потом, никого не боясь, можно обсудить на форумах то, что произошло, кто виноват и, главное, что делать. Любая неправедная власть держится на страхе перед своим неизбежным концом, лютуя в приказах и неотвратимости наказания за их неисполнение. В интернете страха нет! Равно как нет начальничков и их подчиненных. Мы тут равны и можем творить! Это наш завоеванный плацдарм истинного равноправия и веры без чиновничьего досмотра и контроля!

Здесь, в сети интернета, надо признать, мы видим, как отзывается сказанное слово. Да, иногда нас, журналистов, ругают почем зря, но ведь прислушиваются, ведь ждут наших аргументов, фактов и размышлений! Говорю не про себя, но журналист в современной Беларуси — больше чем собственный или специальный корреспондент, освещающий события в стране. Нас заставляют уходить из профессии или быть героями. Многие, и я горжусь своими коллегами, героями стали.

Напрасно все это? Нет! Народ уже не безмолвствует, пусть не быстро, но осознает, что это он — носитель власти в стране! Именно граждане делегируют свои полномочия выбранным ими людям, которые становятся высшими чиновниками государства. Только титулы эти в демократических странах не пожизненные, а сменяемые, что прописано в основном законе страны — Конституции. И горе властителям, если граждане перестанут им верить!

Сегодня, и этого уже не скроешь, процесс народной ревизии власти начался в очень многих даже куда более развитых экономически и политически, чем Беларусь, странах. Создается новая реальность, когда обладание информацией и острым правдивым словом значит больше, чем неправедные суды, тюремные пытки и высокие должности.

Наивно размышляю? Может быть, но на то и Рождество, чтобы помечтать о хорошем. К тому же мысль материальна, и если так же, как я, думают другие люди, то мир, глядишь, станет меняться к лучшему. Главное, повторюсь, не творите себе кумиров и не служите им! Это не я, это Христос так сказал.

Светлая сторона 2011-го

Коллеги, не сговариваясь, называют ушедший 2011-й мрачным годом. Белорусским журналистам довелось испытать задержания, аресты, суды… Да и психологически было очень сложно наблюдать за обильными в том году громкими процессами, семьями жертв репрессий, судьбами, искалеченными терактом…

Но лучики света все-таки нет-нет да и пробивались. «Абажур» поинтересовался у членов Белорусской ассоциации журналистов, что хорошего произошло в их жизни в минувшем году.

Ирина Крылович, заместитель главного редактора еженедельной газеты «Белорусы и рынок»:

— Если исходить из менталитета нашего народа — «лишь бы не было войны», для оценки прошедшего года можно использовать формулу: удача — это отсутствие крупных неудач. Психология, конечно, ущербная. Но она помогает переживать тяжелые времена.

С учетом того, что 2011 год не был лишен катаклизмов местного масштаба (теракт, обвальная девальвация, падение доходов), если тебя лично все эти события обошли стороной и не усложнили жизнь — считай, уже удача. В профессиональном плане это означает: если тебя не огрели дубинкой, не закрыли на сутки, не пришли с обыском и не забрали компьютер — уже повезло.

В этом плане год для меня был не самым плохим. По крайней мере, удалось избежать серьезных потерь. Но было и событие, которое сделало прошедший год для меня действительно удачным и запоминающимся. Это связано с моей дочерью, с ее успехами в образовании. Ей удалось добиться того, к чему она стремилась, и это меня очень радует.

Это событие было связано с определенными валютными затратами. Но, благодаря тому что в силу своей профессии я слежу за экономическим развитием страны, все деньги давно держала в валюте. Не пришлось ходить с протянутой рукой и ночевать в очередях у обменников. Так что и тут, можно сказать, пронесло.

Сергей Возняк, главный редактор газеты «Товарищ»:

— В ужасном 2011-м, который для меня начался 29 января, когда я вышел из «американки» под подписку о невыезде, я пережил и следствие, и суд... Но! В этом году я добился женщины, с которой стремился быть на протяжении трех лет. В том числе это произошло «благодаря» действиям Комитета госбезопасности — она очень близко восприняла, прочувствовала то, что происходит со мной.

Сейчас я живу в очень хорошем состоянии любви. Влюбиться, когда тебе 50 лет, — это нормально.

Есть чего хорошего вспомнить... К примеру, из СИЗО КГБ я вышел гораздо лучшим человеком, чем когда туда попал. В тюрьме я полностью отказался от соли и сахара. Второй год пошел, как я обхожусь без них. А ранее очень злоупотреблял.

В камере я сидел с директором физкультурно-оздоровительного комплекса, и вместе мы каждый день делали зарядку. Теперь купил себе гантели, продолжаю заниматься.

Так что есть приятные ощущения. Хотя год был в целом очень тяжелый.

Людмила Отченашенко, главный редактор интернет-ресурса ex-Press.by (Борисов):

— Если оглянуться на 2011 год и пробежаться по громким событиям, то вывод напрашивается сам собой: ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО. Это ничего, что политический и экономический кризисы несколько смазали контуры нашего «светлого будущего». Это на пользу нашему обществу. Наступил конец пресловутой «стабильности». И это очевидно. Народ пробуждается от спячки.

Сужу по поведению своих родителей-пенсионеров. Если раньше новости смотрели только по БТ и им этого «пайка» было достаточно, то теперь уже спрашивают, что интернет по тому или иному поводу пишет-говорит. Уже начинают сравнивать, анализировать, думать, наконец. И это очень хорошо!

Теперь о работе. В этом году мы кардинально обновили свой ресурс, а по сути создали новый — ex-Press.by, который по популярности быстро обошел своего предшественника — «Борисов электронный». Среднесуточная посещаемость ex-Press.by колеблется в районе около 5 тысяч уникальных посетителей. Это на сегодняшний момент является наилучшим показателем среди всех региональных сайтов Беларуси и значительно превышает посещаемость многих общенациональных сайтов. В масштабах страны, конечно, это не так уж много, но в масштабах отдельно взятого 150-тысячного города — уже кое-что. Это не может не радовать. Нас читают, мы интересны, мы можем!

Я очень горжусь коллективом, в котором работаю. Ребята — молодцы. Как бы ни было трудно, они не унывают, нацелены только на успех. И это очень здорово.

Ну а в личной жизни... Я много времени отдаю работе, что, конечно же, отражается на личном. Так получается, что в последнее время я себе не принадлежу. И мне очень совестно перед моей семьей, моей дочкой. А ведь это — то мое ХОРОШЕЕ, которое есть ВСЕГДА и которое РЯДОМ. Я помню об этом, ценю каждое мгновение, проведенное вместе. Только здесь я могу по-настоящему расслабиться, отдохнуть, набраться сил и... снова за работу. Так и живу. Никогда не теряя надежды на хорошее. Чего и всем желаю в 2012-м!

Сямён Печанко, карэспандэнт газеты «Наша Ніва»:

— Што тычыцца працы, «Наша Ніва» працуе, і паспяхова. Хоць, да таго як мы апынуліся ў вельмі цяжкім становішчы (улетку рэдакцыя перажыла працэс аб ліквідацыі газеты па ініцыятыве Міністэрства інфармацыі), я і мае калегі паспелі не ў адным інтэрв'ю распавесці пра тое, што шанцаў «застацца ў жывых» у нас няшмат.

Светлым промнем была прэмія БАЖ «Вольнае слова», лаўрэатам якой я стаў. Прызнанне калег — гэта прыемна.

Што тычыцца асабістага, то ў сярэдзіне верасня я даведаўся, што стану бацькам! Гэта падзея года!

Анастасия Зеленкова, интернет-газета «Салідарнасць» (gazetaby.com):

— Для меня 2011-й был очень даже удачным. Причем как в профессиональном, так и личном плане.

В этом году я вошла в число победителей конкурса «Вольнае слова», организованного Белорусской ассоциацией журналистов. Это всегда приятно, когда твои усилия не остаются незамеченными. Ну а самое важное событие — это рождение сына. Замечательный малыш Богдан, который принес в нашу семью столько радости и света! Для меня как для женщины очень важно реализоваться не только в профессии, но и доказать себе и окружающим, что я могу быть еще и мамой. У меня получилось и то, и другое. И я этому несказанно рада.

Подготовила Елена ЯКЖИК

Нас злучыла рэчка Случ

Байдарачны прэс-тур «Пойменныя дубравы Случы» правяла Беларуская асацыяцыя журналістаў на пачатку ліпеня. У мерапрыемстве ўзялі ўдзел журналісты з розных выданняў і рэгіёнаў: з Мінска, Лунінца, Брэста, Барысава, Баранавіч.

Аляксей БЕЛЫ

Надвор'е ў Лунінцы, дзе быў прызначаны збор большасці ўдзельнікаў экспедыцыі, не абяцала нічога добрага. Неба зацягнула хмарамі, ішоў праліўны дождж, таму арганізатары туру нават выказалі прапанову змяніць праграму. Тыя, хто мокнуць не хацеў, маглі адразу ехаць на аграсядзібу, дзе меркавалася спыніцца на ноч і заняцца там падрыхтоўкай да вячэрніх мерапрыемстваў. Але такіх не знайшлося.

Зрэшты, калі тыя, хто выехаў з Лунінца, сустрэліся каля Мікашэвіч з дэлегацыяй з Мінска, дождж ужо скончыўся і поўныя рашучасці журналісты рушылі на машынах у бок Случы.

Там нас ужо чакалі старшыня ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» і гаспадар аграсядзібы «Прыпяцкі плёс» Анатоль Нефідовіч. Частка турыстаў накіравалася ў бок вёскі Моршчынавічы, дзе некалі стаялі польскія памежныя атрады, частка ўзялася дапамагаць Анатолю збіраць байдаркі. На гэты раз вандраваць давялося на пяці «Тайменях», якіх якраз хапіла на групу з дванаццаці чалавек.

Яшчэ не «стаўшы на ваду», убачылі, у якія цудоўныя мясціны мы трапілі! Пойменныя дубравы Случы не могуць пакінуць абыякавымі. Разлапістыя каржакаватыя дрэвы проста навісаюць над вадою. Многія з іх ужо знайшлі прытулак у водах ракі: кожны год, асабліва вясною, падчас разліву, дрэвы, што стаяць блізка да вады, падмываюцца і гінуць. Такіх «тапельцаў» у Случы вялікае мноства, і трэба быць вельмі ўважлівым, калі ідзеш на байдарцы па рацэ, каб не напароцца. Па словах Анатоля Нефідовіча, вельмі шмат дубоў плывуць уздоўж Случы ды некаторых іншых рэк, і замежнікі нават прапаноўвалі распрацоўку гэтых «выкапняў». Асабліва калі ўлічыць, што мораны дуб заўсёды лічыўся каралеўскім дрэвам і з яго выраблялі цудоўную мэблю.

Наш інструктар і праваднік расказаў нам шмат цікавага пра гэтыя мясціны і наведвальнікаў Прыпяцкага краю. Напрыклад, пра тое, што сюды, каб паслухаць і паглядзець рэдкіх птушак, прыязджаюць зацікаўленыя турысты і арнітолагі з Англіі,

Польшчы, Венгрыі. Звычайна едуць вясною, у маі, калі лес яшчэ «голы» — тады птушак лепш відаць. Сіваграк, зімародак, удод — вось якія віды цікавяць замежнікаў. З сумам было канстатавана, што беларусаў, якіх цікавяць птушкі, значна менш. Хаця тых, хто жадае сплавіцца на байдарках, хапае.

Нягледзячы на тое што ў групе турыстаў-воднікаў большасць упершыню селі ў байдаркі і ўзяліся за вёслы (дакладней, за вясло), рухаліся мы па рацэ даволі шпарка, і вельмі хутка спрактыкавана граблі ўсе. На беразе бачылі рыбакоў з вудамі, прайшлі ў адным месцы каля імправізаванага парома-плыта, з дапамогай якога мясцовыя жыхары перабіраюцца з аднаго берага на другі.

Апоўдні ў маляўнічым месцы на беразе правялі прэзентацыю праекта «Дубравы: мінулае, сучаснае, будучае» па матэрыялах навуковага супрацоўніка Інстытута эксперыментальнай батанікі НАН РБ Максіма Ярмохіна. Анатоль Нефідовіч, які рабіў прэзентацыю, паведаміў прысутным, што менавіта ў поймах Случы ды Убарці захавалася найбольш дубоў, хаця назвы месцаў і населеных пунктаў з коранем «дуб» сустракаюцца часцей там, дзе дубравы якраз і вынішчаны.

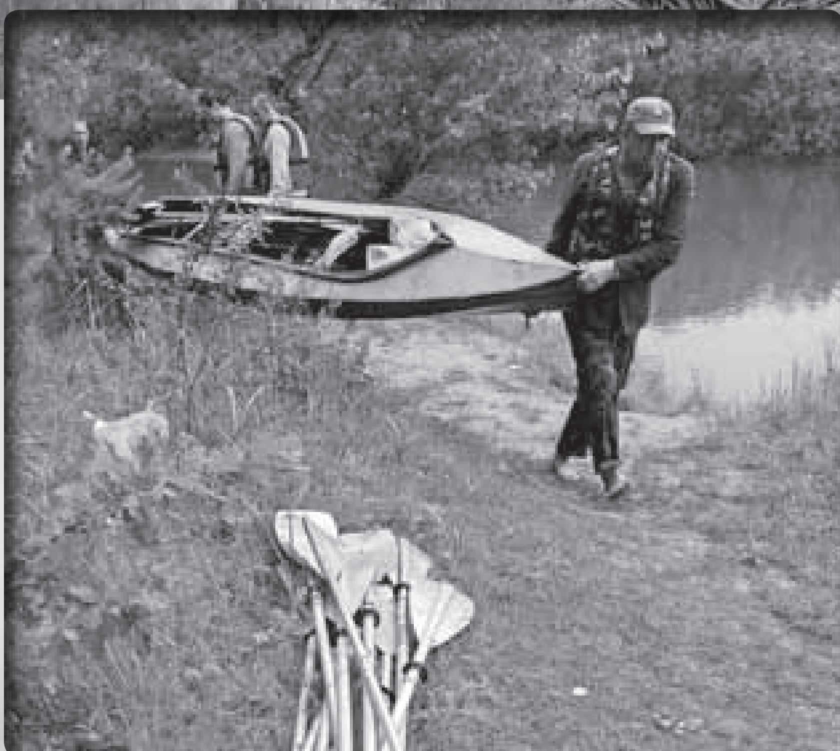
Канешне, незвычайна глядзелася наша група ў выратавальных камізэльках на беразе ракі, калі ўдзельнікі экспедыцыі сабраліся вакол ноўтбука, усталяванага на ўзгорку! Потым, пасля

прэзентацыі, дзяўчаты заўважылі, што на ўзлеску шмат суніц, і ўсе кінуліся «ў ягады».

На другім этапе вандроўкі нас застаў дождж. Хавацца ад яго не было сэнсу, бо ў вадзе ўсё адно ўсе ўжо добра вымаклі. Так што і дажджавікамі, якія прапаноўваў гід, ніхто не скарыстаўся.

Другую частку, нягледзячы на непагадзь, праходзілі павольней, любаваліся краявідамі. Зрэшты каля аднаго з мастоў праз раку прыбіліся да берага і выцягнулі байдаркі.

Праз якую гадзіну мы былі ўжо на сядзібе Анатоля і яго жонкі Ірыны ў вёсцы Лахаўка. Як кажуць, вада «выцягвае», таму большасць не супраць была пад'есці, хаця пару перакусаў у дарозе мы зрабілі. Але перад вячэрай была лазня з добрай парай і гаючымі дубовымі венікамі.



Паралельна на мангале смажыліся шчупакі і самы, а пасля, калі добра сцямнела, і шашлыкі.

Аграсядзіба «Прыпяцкі плёс» існуе трэці год. Яе гаспадары маюць і сталы заробак — яны настаўнікі. Анатоль выкладае гісторыю, Ірына – геаграфію. Дарэчы, байдаркі, якія цяпер даволі дарагое задавальненне, гаспадары набылі за «вясельныя» грошы.

Замежнікаў сюды прыцягвае ўсё: і нашы балоты, і такавішчы цецерукоў, і балотныя чарапахі, якіх тут яшчэ шмат, і... смачныя дранікі, што гатуе гаспадыня. А цікавасць да птушак тых жа англічан настолькі вялікая, што яны гадзінамі могуць чакаць прылёту белай блакітніцы, скіраваўшы ў бок яе гнязда даражэзныя фотакамеры і біноклі.

Вячэра, якую рыхтавалі разам, не стала для ўдзельнікаў прэс-туру простым паяданнем страў. Пра сваё няпростае жыццё расказаў галоўны рэдактар газеты «Товарищ» Сяргей Вазняк, песні пад гітару спяваў карэспандэнт са «Звязды» Яўген

Прэзентацыю «Пойменныя дубравы Случы — унікальныя сведкі рэліктавай прыроды» праводзіць мясцовы краязнаўца Анатоль Нефідовіч

Валошын, саліравала рэдактарка з Лунінца Святлана Гарда, дапамагала ёй намеснік старшыні БАЖа Аліна Суравец.

Гучалі ў гэты вечар, які павольна пераходзіў у ноч, і вершы. А за акном шумеў дождж — яго ў гэтых мясцінах чакалі амаль два месяцы.

Раніца вялікіх змен у надвор'і не прынесла. Таму працяг вандроўкі да возера Белага ў Жыткавіцкі раён прыйшлося адкласці. Надвор'е не наладзілася, але настрой не сапсаваўся.

Зрэшты, на месцы згатавалі юшку ў велізарным казане, паснедалі, падвялі вынікі вандроўкі.

Гэта быў не першы байдарачны прэс-тур, арганізаваны Беларускай асацыяцыяй журналістаў па рэках Беларусі. Хочацца спадзявацца, што і не апошні. Тым больш што з краязнаўцам Анатолем Нефідовічам мы дамовіліся, што ў наступны раз ён павядзе нас глядзець балоты.

Фота Аляксандра ЗЯНКОВА

Наступит ли в 2012 году конец света для байнета?

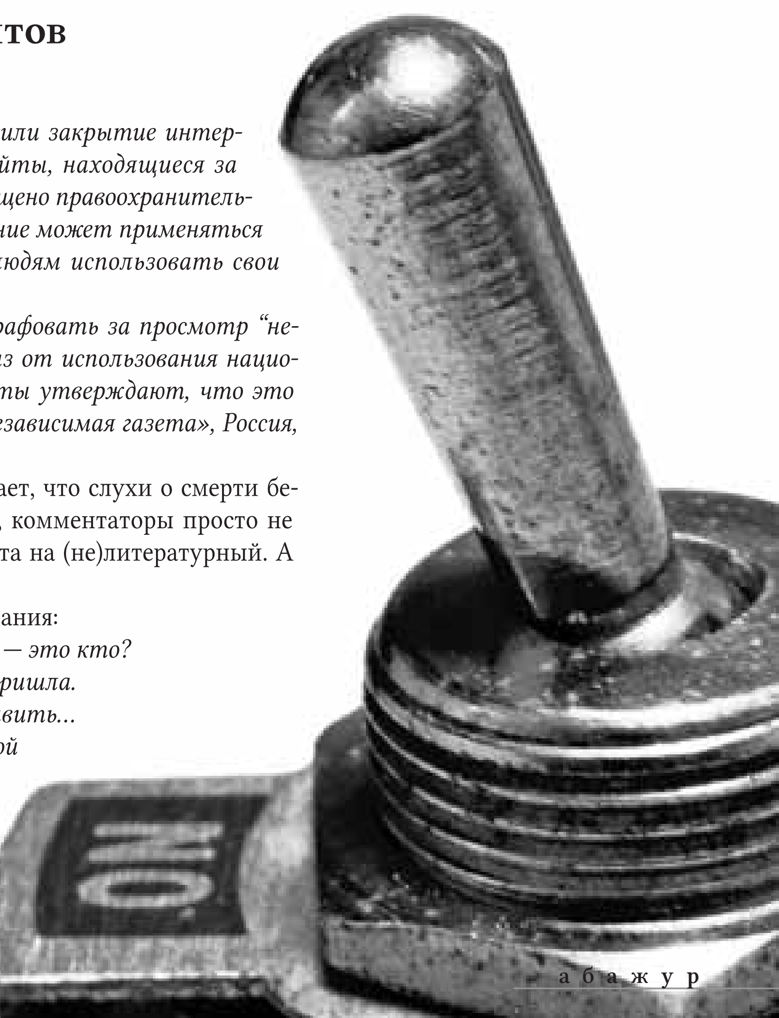
Андрей БАСТУНЕЦ

«Интернету в Беларуси пришел конец»

Такие разговоры активизировались в конце прошлого года, и чем ближе дело шло к православному Рождеству, тем громче они становились.

Дело, конечно, не в Рождестве и не в православных. Просто как раз накануне этого светлого праздника вступили в силу (подарочек!) поправки в Кодекс об административных правонарушениях. А именно статья 22.16 КоАП «Нарушение требований по использованию национального сегмента сети интернет», которая и вызвала эсхатологические настроения в интернет-сообществе.

«За просмотр запрещенных сайтов будут штрафовать...»



«Закон также предусматривает наложение штрафа или закрытие интернет-кафе, если их посетители будут посещать веб-сайты, находящиеся за пределами Беларуси, и об этом не было своевременно сообщено правоохранительным органам. Кроме того, закон гласит, что это положение может применяться к частным лицам, если они позволяют посторонним людям использовать свои домашние компьютеры для навигации в интернете...»

«После новогодних праздников белорусов начнут штрафовать за просмотр “неправильных” с точки зрения государства сайтов и отказ от использования национального сегмента виртуального пространства. Эксперты утверждают, что это равносильно запрету на использование интернета» («Независимая газета», Россия, 23 декабря 2011 г.).

Между тем обращение к самой статье КоАП показывает, что слухи о смерти белорусского интернета сильно преувеличены. Возможно, комментаторы просто не смогли адекватно перевести ее с языка нормативного акта на (не)литературный. А может, репутация властей сработала.

Как там говорил Жванецкий? Не удержусь от цитирования:

«Где начинается государство — не верю... Государство — это кто?

Когда государство ночью нагрянуло, знаю — милиция пришла.

Кое-как государство в виде милиции могу себе представить...

Какие-то прокуренные мясистые бабы в исполкомовской одежде — это и есть та Родина, которая главные бумаги дает...

В то, что что-то добавят, — не верю. *Что отберут то, что есть,* — верю *сразу и во веки веков».*

А скорее, оба фактора сработали. Срезонировали.

Что же нового вводят поправки в КоАП?

А ничего. Ничего, кроме штрафов за нарушения, которые были объявлены таковыми еще в начале 2010 г. в пресловутом указе № 60 и принятых в его исполнение правовых актах (полтора десятка общим числом). Причем штрафов не таких уж и больших: 30 базовых величин — максимум (сравните хотя бы со статьей 22.9 КоАП «Нарушение законодательства о средствах массовой информации», по пункту 3 которой на редакцию СМИ может быть наложен штраф *от ста до пятисот* базовых величин).

Часть первая статьи 22.16 КоАП устанавливает ответственность за «*осуществление деятельности по реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг на территории Республики Беларусь с использованием информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети интернет, не размещенных на территории Республики Беларусь и (или) не зарегистрированных в установленном порядке*».

Сравните с пунктом 2 указа от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети интернет»: «*С 1 июля 2010 года деятельность по реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг на территории Республики Беларусь с использованием информационных сетей, систем и ресурсов, имеющих подключение к сети интернет, осуществляется юридическими лицами, их филиалами и представительствами... с местонахождением в Республике Беларусь, а также индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в Республике Беларусь, с использованием информационных сетей, систем и ресурсов национального сегмента сети интернет, размещенных на территории Республики Беларусь и зарегистрированных в установленном порядке*».

Как видим, КоАП всего лишь устанавливает штраф за действия, которые были объявлены незаконными почти два года назад. Единственное отличие — в кодексе нет упоминания о том, что оказывать услуги, выполнять работы и продавать товары здесь могут только субъекты хозяйствования, имеющие правовой статус в Беларуси. Но это уж никак нельзя счесть *дополнительным ограничением*, поскольку формулировка указа еще более жесткая и однозначно расставляющая акценты.

«Собака зарыта» именно в нем, указе № 60, а не в КоАП

Еще на этапе принятия указа эксперты и специалисты обращали внимание на то, что термин «*оказание услуг*» достаточно невнятен («А не попадают ли под него и информационные услуги СМИ?» «*Кажется*, нет!» «Кажется? Нет?») и что глобальный бизнес, дотянувшийся по Сети до Беларуси, скорее выйдет из байнета, чем будет регистрировать здесь свои представительства или открывать для уже зарегистрированных новые интернет-площадки, заведомо проигрывающие «материнским»...

Но идем дальше. Вторая часть статьи 22.16 КоАП устанавливает административную ответственность за «*нарушение требований законодательных актов по осуществлению идентификации абонентских устройств при оказании интернет-услуг и (или) пользователей интернет-услуг в пунктах коллективного пользования интернет-услугами, учету и хранению сведений об абонентских устройствах, персональных данных пользователей интернет-услуг, а также сведений об оказанных интернет-услугах*».

Опять же обратимся к Указу № 60, где в пункте 6 указывается, что «*поставщики интернет-услуг обязаны осуществлять идентификацию абонентских устройств при оказании интернет-услуг, учет и хранение сведений об абонентских устройствах, а также сведений об оказанных интернет-услугах. Собственники пунктов коллективного пользования интернет-услугами... осуществляют идентификацию пользователей интернет-услуг*» — ну и так далее по тексту.

И здесь мы видим, что никаких новых ограничений КоАП не вносит, а лишь определяет санкцию за нарушение требований указа.

И последняя, третья, часть статьи 22.16 Кодекса об административных правонарушениях. Согласно этой норме «*нарушение требований законодательства по ограничению доступа пользователей интернет-услуг к информации, запрещенной к распространению в соответствии с законодательными актами*», влечет наложение штрафа.

Опустим тот факт, что перечень информации, которую у нас можно объявить запрещенной, не то что широк, а безразмерен, поскольку не закрыт. Но остановимся на двух моментах, имеющих отношение именно к злосчастным поправкам в КоАП.

Первый — в обязательном порядке ограничивается доступ к «запрещенной» информации лишь государственным органам и организациям (кроме ОАЦ, КГБ и подобных *аббревиатурных созданий*), а также учреждениям образования и культуры. (Обычный пользователь может (!) попросить об услуге, чтоб его ограничили в доступе, но никак не должен делать это в «добровольно-принудительном порядке».) Соответственно и ответственность (простите за тавтологию) наступает лишь в случаях, когда провайдеры игнорируют свою обязанность ограничить доступ к «вредоносной» информации для госорганизаций, библиотек, вузов...

Второй момент, на который следует обратить внимание (и этот момент ключевой), — ответственность возлагается не на пользователей байнета, а на провайдеров и на интернет-бизнес. Оштрафованными в соответствии с новой статьей КоАП могут быть **только субъекты хозяйствования**, которые либо являются поставщиками интернет-услуг, либо используют интернет для продаж, выполнения работ, оказания услуг.

Обычных пользователей байнета статья 22.16 КоАП «Нарушение требований по использованию национального сегмента сети интернет» не касается. Равно как не касается она журналистов, блогеров, комментаторов, активистов социальных сетей и пр. Так что просьба здесь и сейчас понапрасну не беспокоиться.

Для вас есть другие статьи...

Юзеры выходят из тени

Сергей НИКОЛЮК

В романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» есть глава «Вот это убьет то». Для понимания того, что скрывается за загадочным *это*, способным так жестоко обойтись с не менее таинственным *то*, обратимся к первоисточнику: «Это был страх духовного лица перед новой силой — книгопечатанием. Это был ужас и изумление служителя алтаря перед излучающим свет печатным станком Гуттенберга… Это означало, что новая сила сменит старую силу; иными словами — печатный станок убьет церковь».

У каждого времени свое *это* и свое *то*, и борьба между ними может продолжаться до гибели одной из сторон. Впрочем, практически всегда победу празднует *это*, потому что в борьбе нового со старым на стороне нового выступает логика эволюции. Обратимся к современному примеру на тему «Вот это убьет то», который я позаимствовал из интервью Александра Лукашенко российскому журналисту Сергею Доренко.

С. Доренко: Ящик вообще никто не смотрит сейчас.

А. Лукашенко: Да, сейчас еще второй ящик.

С. Д.: В России при слове «телевизор» люди смеются.

А. Л.: Я не знал.

С. Д.: Сейчас молодое поколение в России немножко стесняется, если кто-то смотрит из них телевизор. Это не очень прилично.

А. Л.: Это важно. Надо и мне подумать над этим. Я этот нюанс не просекал. Вполне возможно. В Беларуси же еще больше интернет развит. В Беларуси все в интернете сидят или с планшетниками ходят, Wi-Fi. Я правильно называю? Я не очень в этом… У меня малыш, ему семь лет, а он включает у меня на столе компьютер: «А ну-ка посмотрим, что на твоей страничке написали». И мне читает.

С. Д.: Для него это органичная среда. Получилось, что контролируют высотку какую-то, держали высотку, как в бою, а эту высотку просто все обошли. Держали телевидение…

А. Л.: Она осталась, как Брестская крепость, там.

С. Д.: Телевидение никого не волнует. Т. е. его все контролируют страшно, а никого это не волнует.

Проиллюстрируем диалог результатами опросов НИСЭПИ. В декабре 2011 г. интернетом с различной степенью регулярности пользовалось 53 % белорусов, при этом ежедневно — 26 %. Подавляющее большинство из них пользуются и социальными сетями, рейтинг популярности которых выглядит следующим образом: «Одноклассники» — 27 %, «В контакте» — 25 %, «Facebook» — 12 %, «Twitter» — 5 % и другие сети — 2 % (всех опрошенных).

Но может ли приведенная интернетовская «цифирь» соперничать с телевизионной? Обратимся к табл. 1, составленной на основании сентябрьского опроса 2007 г. К сожалению, более свежих сравнительных данных на сайте НИСЭПИ отыскать не удалось (кроме тех, что касаются интернета, см. последнюю строку). Самая важная информация, отражающая борьбу *этого* с *тем*, содержится в последней колонке. Всего лишь 2 % респондентов отметило, что не смотрит телепередачи, в то время как доля любителей «пялиться в ящик» более часа составила 68 %!

Таблица 1. Сколько времени в день вы в среднем затрачиваете на:

Вариант ответа	До 30 минут	До 1 часа	До 2 часов	Более 2 часов	Затрудняюсь ответить
чтение газет	58	26	5	3	9
прослушивание радиопередач	44	23	10	10	13
просмотр телепередач	10	20	39	29	2
пользование интернетом	28	10	7	6	50
пользование интернетом*	5	14	14	15	52

*** Июнь 2011 г.**

За последние четыре года количество пользователей интернетом практически не изменилось (отметим, что ошибка при проведении национальных опросов составляет 3 %). Но отсутствие роста интернет-юзеров с лихвой компенсировалось их активностью: доля тех, кто ежедневно затрачивал на блуждание в сети более двух часов, увеличилась с 6 до 15 % (в 2,5 раза).

Герой культового советского фильма «Москва слезам не верит» уверял, что в будущем «будет сплошное телевидение». В те годы телевидение еще проходило по категории *это*, оно не только активно захватывало все новые сегменты информационного пространства, сформированного традиционными на тот момент СМИ, но и расширяло его.

Безусловно, у телевидения кроме плюсов имеется и очень существенный минус. Вот как поясняла его газета «The New York Times»: «Главная проблема телевидения в том, что люди должны сидеть как привязанные у экрана: у средней же американской семьи на это просто не хватает времени. Поэтому шоумены должны понять, что телевидение никогда не составит серьезной конкуренции радиовещанию».

Согласитесь, достаточно странный взгляд на проблему. Однако он становится понятен, если посмотреть на дату публикации — 19 марта 1939 г. Многие ли американцы имели тогда в своих квартирах «ящики»? Замечу, что вопрос: «Знаете ли вы, что такое телевидение?» — служба Гэллапа включала в свои анкеты до конца 1945 г. В начале же 90-х гг. в среднестатистической американской семье телевизор работал до семи часов в день. *Это* убило *то*, чтобы в свою очередь вступить в неравный бой с интернетом.

Победное шествие телевидения не в последнюю очередь объясняется тем, что американцы, впрочем, как и представители других народов, согласились «сидеть как привязанные у экрана». Для такого сидения не требуется специальных навыков, поэтому по мере расширения зоны распространения телевизионного сигнала армия телезрителей пополнялась за счет представителей всех поколений.

В этом коренное отличие телевидения от интернета. «Классическое телевидение, — считает Константин Эрнст, убьет не интернет, а люди, сформированные интернетом. И разделительная черта проходит где-то до и после 1980 года. Психика людей, родившихся после 1980-го, сильно отличается от психики людей, родившихся до. Язык, который они воспринимают и который является для них адекватным, принципиально иной. Как и их представления о развлечении, информации, бюджете свободного времени».

Новое поколение выбрало Сеть

Закон перехода количества в качество еще никому не удалось отменить. Вплоть до 2010 г. среди интеллектуалов на Западе были модными рассуждения о близкой смерти политики. Казалось бы, для этого есть все основания. Два поколения — от 15-летних будущих избирателей до 35-летних отцов и матерей семейств — не смотрят телевизор и не читают печатную прессу. Они берут информацию из интернета и выражают себя через Сеть. Соответственно они не ходят на митинги и демонстрации, впрочем, как и на избирательные участки. Немногочисленность избирателей порождает «дефицит демократии», а в конечном итоге отсутствие необходимого уровня легитимности, без которого власть де-юре не может быть властью де-факто.

В 2011 г. подобный политический декаданс был решительно перечеркнут. Недаром авторитетный американский журнал «Time» присвоил звание «Человек года-2011» собирательному образу мирового «протестующего». Этот анонимный протестующий был рожден структурами горизонтального общества, не имеющих явных лидеров, единого штаба и единой программы. Новую протестную общность сплотило чувство несправедливости, а в качестве средства коммуникации выступил интернет. Данный вывод справедлив и для арабских революций, и для движения Occupy Wall Street. В этом смысле не стали исключением Беларусь и Россия, вот только размах отечественной «революции» через социальные сети оказался несравним с тем, что произошло в Москве после выборов в Думу 4 декабря.

Столь существенное различие протестной активности жителей двух столиц Союзного государства нуждается в пояснении. Казалось бы, экономический фактор был на стороне белорусов. С одной стороны, трехзначная инфляция и почти трехкратная девальвация «зайчика». С другой — рост зарплаты на весьма солидные по любым меркам 7,2 % (за 11 месяцев). Не следует забывать, что российская экономика кормится с «трубы», а прошедший год был в этом смысле крайне благоприятным: цена на российскую нефть практически не опускалась ниже отметки в 100 долларов за баррель.

Попытки связать протестную активность с падением уровня жизни населения предпринимаются в Беларуси постоянно. Это верный признак того, что оппозиционные политики и независимые эксперты все никак не могут освободиться от наследия марксизма. Спору нет, бытие влияет на сознание, но не следует превращать его в фетиш, т. е. пытаться объяснять социальные явления с помощью одного (якобы базового) фактора. Жизнь сложнее любых наших представлений о ней, поэтому

не стоит удивляться, что в сфере социального действие лишь одного закона не знает исключения. Я имею в виду закон непреднамеренных последствий.

Казалось бы, все учел Путин, выстраивая многоходовую комбинацию, позволившую ему вернуться в Кремль и при этом не нарушить Конституции. Он долго подбирал кандидатуру местоблюстителя, и, как показали прошедшие четыре года, Медведев его надежды оправдал. Но кто бы мог предположить, что сам факт обратной рокировки произведет на общество столь негативное впечатление. Под обществом в данном случае я понимаю лишь ту его часть, которую принято относить к среднему классу. Согласно опросу Левада-Центра, проведенного по заказу организаторов акции протеста на проспекте Сахарова в Москве, 83 % участников митинга имели высшее или неоконченное высшее образование. По роду занятий в бесспорных лидерах оказались специалисты — 46 %, на втором месте с большим отрывом студенты — 12 %, владельцы собственного бизнеса с 8 % поделили 3–6-е места вместе с руководителями (до 10 подчиненных), руководителями (более 10 подчиненных) и офисными служащими.

Согласно опросу, 37 % регулярно, а 31 % время от времени обсуждали в социальных сетях или в течение последних трех месяцев нынешние выборы в Государственную думу и связанные с ними события. Подобная сетевая активность позволила директору Левада-Центра Льву Гудкову сделать следующий вывод: «Впервые на этих выборах стало ощутимым влияние интернета. Он не смог стать площадкой для практического и корректного обсуждения стратегии и тактики развития страны, выдвигаемых разными партиями, но зато оказался удобным местом для критики власти или дискредитации отдельных политиков, выпадов в адрес тандема и высших чиновников».

Интернет породил и феномен Алексея Навального. Еще в апреле только 7 % россиян знали «блогера Навального» лишь как борца с коррупцией и распилами, способного дать профессиональный совет по составлению жалоб в прокуратуру. Сегодня говорят о его президентском потенциале серьезные политики. 22 % участников митинга на проспекте Сахарова видят в борце с распилами главу государства. Выход Навального из тени — прямое следствие превращения интернета в инструмент реальной политики, с которым уже нельзя не считаться.

Выход Навального из тени — это выход из тени интернет-юзеров, способных не только пассивно воспринимать информацию, распространяемую по каналам классических СМИ, но создающих и распространяющих ее самостоятельно. Отмечу интересную деталь. Список выступающих на митинге 24 декабря определялся открытым демократическим путем на основе голосований в интернете.

Что мешает белорусским интернет-юзерам воспользоваться успешным опытом своих российских коллег? Для ответа на этот вопрос следует сравнить между собой политические режимы двух стран. Белорусский авторитаризм в отличие от российского является консолидированным, и уже в силу этого уровень контроля социальных процессов со стороны государства в Беларуси существенно выше, чем в России. Следует отметить, что на большей части постсоветского пространства не протестующие выходят на площадь и тем самым раскачивают государство, а ослабевшее в силу внутренних причин государство провоцирует выход людей на площадь.

«Мы недооценили...»

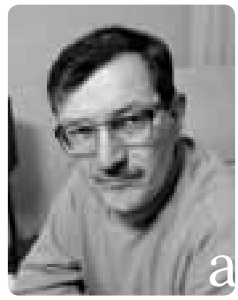
Опасность, исходящая от социальных сетей, хорошо осознается «государством для народа». С целью комплексного решения проблемы в республике в апреле 2008 г. образован Оперативно-аналитический центр (ОАЦ) при президенте Республики Беларусь. Официальный перечень его задач ограничен защитой информации, содержащей сведения, составляющие государственные секреты. Для их эффективного решения центр с января 2010 г. наделен правом осуществлять оперативно-розыскную деятельность на территории Беларуси.

Как известно, глава государства, подобно многим своим сверстникам, так и не смог освоить интернет («Я тоже могу эти айпэды носить — пальцами тыкать, но это не президентское»), что не помешало ему возглавить Совет по развитию информационного общества. Нетрудно догадаться, что под развитием в первую очередь понимается усиление «учета и контроля». Неслучайно Совет начал свою деятельность с составления списка нежелательных интернет-ресурсов (они закрыты к доступу в госучреждениях). В составе Совета не оказалось представителей гражданского общества, зато в него вошло большое количество людей в погонах, а одним из заместителей председателя назначен сын главы государства Виктор.

Страх духовного лица перед новой силой — книгопечатанием, описанный Виктором Гюго, сегодня трансформировался в страх представителей власти перед возможностями самоорганизации общества с помощью интернета. Вот как артикулировал этот страх первый заместитель главы администрации президента Александр Радьков: «В свое время мы недооценили возможности интернета. Всемирную Сеть рассматривали лишь как способ коммуникативного взаимодействия, когда любой желающий может найти нужную ему информацию. Но жизнь показала, что социальные сети могут стать мощнейшим оружием».

Если *это* нельзя убить, то им следует овладеть. Для выполнения данной задачи ни финансовых, ни организационных ресурсов в 2012 г. белорусское государство, судя по всему, экономить не собирается.

«Кто-то теряет, а кто-то находит»



Леонид
МИХЕЙЧИКОВ

Динамика взаимоотношений граждан Беларуси с ведущими СМИ страны — постоянно в поле зрения ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». На протяжении ряда лет социологи предлагают белорусам ответить на вопрос: «Скажите, как часто вы читаете газеты, слушаете радио, смотрите телевидение, пользуетесь интернетом?» (рис. 1–8). Сопоставление результатов двух исследований, проведенных с интервалом в два с половиной года (март 2009 г. и ноябрь 2011 г.), показывает некоторые изменения аудиторий этих средств массовых коммуникаций.

Сегодня, как и два с половиной года назад, лидирует **«голубой экран»**. Его совокупная аудитория составляет порядка 93 % взрослого населения страны (рис. 1). С марта 2009 г. телеаудитория практически не сократилась (- 2 %).

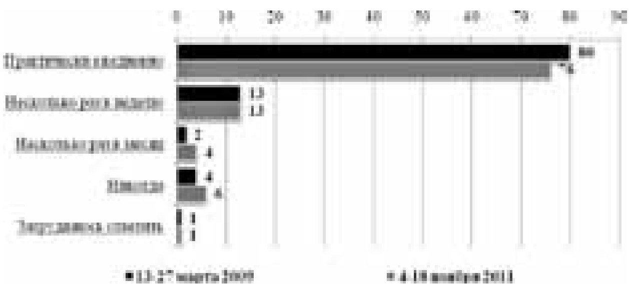


Рис. 1. Интенсивность просмотров телевидения (%)

Естественно, аудиторию «голубого экрана» страны можно рассматривать и с иных позиций. Например, с точки зрения постоянных *(«практически ежедневных»)* зрителей. Здесь количество поклонников программ и передач сократилось на 4 %. Что, согласитесь, не признак катастрофы для такого СМИ, как телевидение.

Больший интерес представляют сведения о соотношении социально-демографических характеристик прошлой и нынешней аудиторий ТВ. Ранее среди постоянных телезрителей мужчины и женщины были представлены равномерно. Сегодня количество женщин увеличилось (с 54 % до 56 %). Соответственно среди телезрителей несколько снизилось число мужчин.

Если в 2009 г. среди граждан страны, которые *«никогда»* не смотрят телевидение, мужчин насчитывалось 51 %, то сейчас — 57 %. Представители сильной половины рода человеческого явно меняют отношение к «голубому экрану».

Заметны изменения в отношении к телевидению и среди представителей различных возрастных групп. Если в 2009 г. среди тех, кто не интересуется телевидением, было 29 % молодежи, то сегодня — 40 % юношей и девушек (18–29 лет). Увеличилось количество тех, кто не смотрит телепрограммы, среди учащихся и студентов. С 12 % до 22 % за два с половиной года.

Совокупная аудитория радиослушателей Беларуси с марта 2009 до конца 2011 г. также практически не сократилась (- 2 %). Она составляет порядка 75 % граждан страны. Правда, лиц, не слушающих радио, в три раза больше тех, кто не смотрит телевидение (рис. 1, 3): 19 % (радио) и 6 % (телевидение).

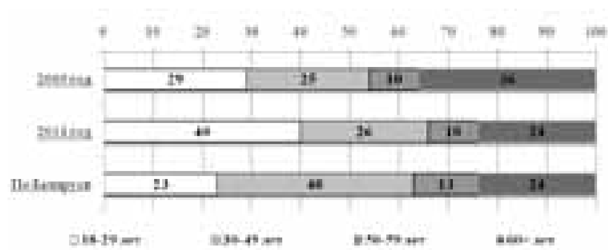


Рис. 2. Численность респондентов, которые не смотрят телевидение, среди возрастных групп населения страны (%)

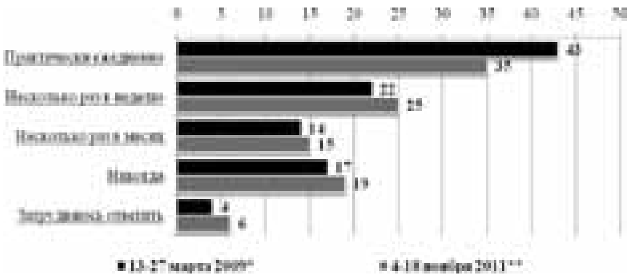


Рис. 3. Интенсивность прослушивания передач радио (%)

За два с половиной года заметно сократилась постоянная *(«практически ежедневно»)* аудитория радио: с 43 % до 35 % (- 8 %). Т. е. радио потеряло в два раза большую ежедневную аудиторию, чем телевидение.

Как и в 2009 г., так и в конце 2011 г. постоянную радиоаудиторию активнее формировали женщины (56 % и 53 % соответственно), люди 60 лет и старше (30 % и 35 % соответственно), лица с базовым образованием (28 % и 14 % соответственно).

Диаметрально противоположную по отношению к радио категорию респондентов, которые слушают радио, также более активно представляли и представляют женщины (60 % и 59 % соответственно).

Анализ прослушивания передач и программ радио представителями различных возрастных групп не демонстрирует таких неожиданностей, как с телевидением. Радио слушают люди всех возрастов. Правда, за прошедшие 2,5 года среди тех, кто не слушает радио, увеличилось количество граждан 60 лет и старше (с 20 % до 25 %). И реже к услугам радио сегодня обращаются студенты (на 3 %).

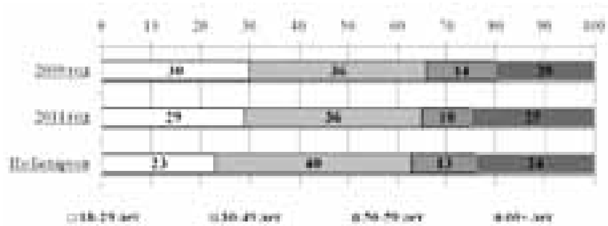


Рис. 4. Численность респондентов, не слушающих радио, среди возрастных групп населения страны (%)

Общее количество читателей **газет** за 2,5 года сократилось на 10 % (с 87 % до 77 %), т. е. печатное средство массовой информации как таковое с начала 2009 г. потеряло, как минимум, каждого десятого читателя (рис. 5).

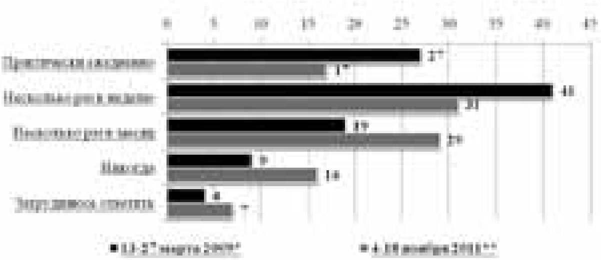


Рис. 5. Интенсивность чтения газет (%)

Итак, небольшая (27 %) постоянная аудитория газет за 2,5 года сократилась на 10 %! Сегодня ежедневно к печатному слову обращаются только 17 % взрослых граждан страны. Т. е. газеты теряют постоянных читателей.

Весной 2009 г. постоянная аудитория газет на 88 % состояла из людей 30 лет и старше. Каждый пятый из них имел высшее образование (21 %). И 41 % составляли пенсионеры и работники творческих профессий. Практически эти же характеристики ежедневной аудитории присущи и сегодняшним поклонникам печатного слова. Более четверти — 29 % — лица с высшим образованием, 44 % — пенсионеры и работники творческих профессий. Вот только с возрастными характеристиками постоянных читателей газет произошли некоторые изменения. Сегодня более активные читатели прессы — 72 % — это лица 40 лет и старше. Т. е. аудитория газет «взрослеет».

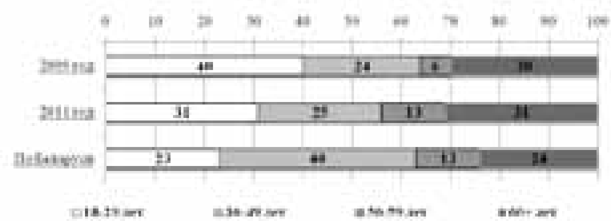


Рис. 6. Численность респондентов, не читающих газет, среди возрастных групп населения страны (%)

Большее количество тех, кто не читает газет, сегодня сосредоточено среди граждан с базовым образованием (21 %), молодежи до 30 лет и возрастной группы 60 лет и старше (по 31 %). В социально-профессиональном плане это пенсионеры и студенты (вместе = 41 %).

Наиболее динамичной сегодня выглядит аудитория такого средства массовой коммуникации, как **интернет** (рис. 7). Если СМИ за 2,5 года отчасти утратили свои позиции, то интернет, наоборот, увеличил свою совокупную аудиторию на 12 %. И на 11 % — постоянную аудиторию. Т. е. если интернетом пользуются, то чаще обращаются к нему ежедневно. Правда, и количество людей, которые не пользуются интернетом, наибольшее — 41 %. Однако за короткий период времени (2,5 года) количество таких людей сократилось на 7 %.

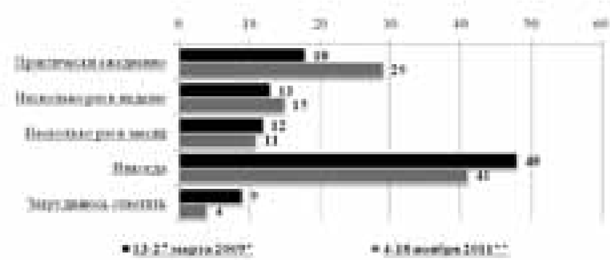


Рис. 7. Интенсивность пользования интернетом (%)

В 2009 г. ежедневными пользователями интернета (более половины) были мужчины (51 %), люди в возрасте до 40 лет (68 %). Значительную часть интернет-пользователей составляли лица с высшим образованием (30 %), инженерно-технические работники и представители творческих профессий, студенты и предприниматели. Эти же социально-демографические группы и сегодня формируют в Беларуси постоянную аудиторию «всемирной паутины». Мужчины — 52 %. Люди до 40 лет — 77 %. Более половины (54 %) — это студенты и предприниматели, инженерно-технические работники и представители творческих профессий.

Плюс одно «незначительное» изменение: если в 2009 г. среди постоянных пользователей сети было 65 % лиц со средним образованием, то сейчас их — 76 %! Рост на 11 %. Можно сказать, что интернет в Беларуси пошел «в народ».

Анализ состава людей, не пользующихся интернетом, убедительно подтверждает, что уровень образования наших соотечественников не является ограничителем в распространении «всемирной паутины». Реальный барьер, который притормаживает распространение интернета, — возраст. Сегодня каждый второй из тех, кто не пользуется сетью, — гражданин в возрасте 60 лет и старше (50 %).

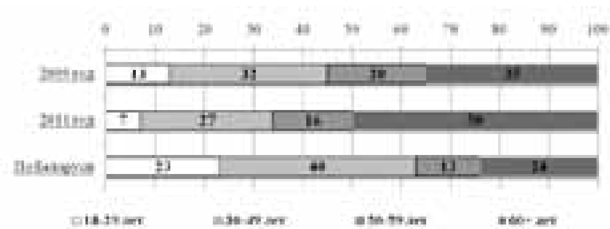


Рис. 8. Численность респондентов, не пользующихся интернетом, среди возрастных групп населения страны (%)

Телевидение, помнится, первоначально также воспринималось как нечто необычное людьми преклонного возраста, но сейчас многие пенсионеры успешно нажимают кнопки пульта спутникового телевидения, расширяя свой культурный и политический кругозор. Думается, и интернет со временем перестанет быть уделом «избранных» и молодых.

Потеряют ли СМИ свои аудитории, станут ли граждане вместо просмотров телепрограмм пользоваться интернетом? Перестанут ли люди читать газеты и слушать радио? Вряд ли, если содержание передач и публикации в газетах будут отвечать интересам зрителей, слушателей и читателей. Не исключено, что аудитории каждого из средств массовой коммуникации претерпят изменения, уменьшатся или увеличатся, станут более аморфными. Но людям всегда будет нужна объективная и всесторонняя информация. Аудиторию нужно привлекать, грамотно формировать, притягивать к себе, а не захватывать наскоком или завоевывать. Тезис очевиден, как очевиден и эффект действия СМИ, которое навязывает себя какой-либо аудитории.

И дело даже не в том, что интернет — совсем юное средство коммуникации, технически более совершенное и перспективное. Радио на заре своего становления также было более технически продвинутым, чем пресса. Однако сегодня совокупная аудитория радио — 75 %, а газет — 77 %. Радио сегодня не слушает практически каждый пятый гражданин страны (19 %), а газет не читает один из шести респондентов (16 %).

Впрочем, здесь встает вопрос о содержательных, профессиональных аспектах деятельности каждого из существующих СМИ страны и интернета. Вопрос, который не является объектом постоянного внимания сотрудников социологического центра ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». Но очень важный, если не основной, для потребителей информационного продукта.

Примечания

* Социологическое исследование проведено с 13 по 27 марта 2009 г. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около полутора тысяч (1492) респондентов. Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 3 %.

** Республиканское социологическое исследование проведено с 4 по 18 ноября 2011 г. Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Республики Беларусь 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено полторы тысячи респондентов. Контролируемые параметры выборки — место проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 0,7 %.

Анатолий Карачинский: «Мы стоим на пороге цивилизационной революции»

**«Мы стоим на пороге цивилизационной революции, — считает Анатолий Карачинский, президент IBS Group — лидера российского рынка информационных технологий. — Нам просто повезло жить в это время. А может быть, и не повезло, потому что мы сейчас не знаем, чем это обернется».
Так все-таки повезло или нет — пытались разобраться в «The New Times».**

— ***Вы не преувеличиваете влияния компьютерных технологий, гаджетов и прочего на грядущий мир?***

— Не думаю. Потому что все сегодня построено на информации. А скорость распространения информации становится просто безумной. И первые результаты этого мы уже видим — социальные протесты, взрывы по всему шарику — от Европы до Африки...

— ***И теперь в России. Когда появились первые компьютеры и роботы, ожидания и страхи разве были не такими же? Достаточно вспомнить того же Брэдбери.***

— Были, но быстрой эволюции использования персональных компьютеров для потребления информации по разным причинам не произошло.

Ограничения на байт

— ***Почему?***

— Во-первых, потому, что человек хочет получать информацию везде — не только в каждой географической точке, но и в кровати, в машине, в метро, в ванной, на пляже плюс когда движется и т. д. Т. е. нужно было решить проблему мобильного доступа. Во-вторых, потому что есть чисто физиологические ограничения. Например, человеческий глаз был создан для того, чтобы стрелять из лука. Лишь 100–150 лет назад чтение стало массовым, и меньше столетия прошло, когда это стало глобальным занятием. Поэтому человеческий глаз в принципе плохо устроен для чтения, а когда он кое-как приспособился, он выработал свои требования: бумага, высокая контрастность, неподвижность изображения. А компьютеры до самого последнего времени, т. е. до последних 2–3 лет, были малопригодны для длительного чтения. Вот последние 30 лет и были заняты поисками решения этих проблем.

Собственно, надо было решить 5 технологических проблем: процессор, т. е. скорость обработки информации; память, поскольку контент надо скопировать, а потом уже его можно потреблять; батарейка, чтобы не быть привязанным к розетке и проводу и можно было бы перемещаться куда

захочешь; дальше — экран, чтобы глаза его выдерживали, и, наконец, связь. С процессорами проблему решили — они стали настолько производительны и миниатюрны, что мы можем на телефоне смотреть видео безо всяких проблем. С памятью еще 5 лет назад были грандиозные проблемы: она была большая, дорогая, медленная. Монитор — на старых электронно-лучевых трубках развертка двигалась, мигала, это было ужасно. На LCD стало чуть получше, но все равно «не фонтан». Написать электронную почту — да, а читать 20 страниц текста — увольте, глаз уставал. Все изменилось, когда 5–6 лет назад появились электронные книжки. Они основаны на очень сложной технологии: на точках, которые, как монетки, с одной стороны белые, с другой — черные. Если вы электронную книжку читали, то обратили внимание, что, когда вы перелистывали страницу, она сначала становится вся черная, а потом на ней проявляется текст. Суть этой технологии в том, что сначала все точки переворачиваются одной стороной, а потом отдельные точки переворачиваются другой стороной.

В результате у вас появляются или на черном фоне белые буквы или на белом фоне — черные. И абсолютно отсутствует мерцание. Другими словами, бились над тем, чтобы экран привести по своим потребительским свойствам к сути бумаги, не на все 100 %, но близко. Но оставалось еще несколько проблем, в частности, цвет. Монетку пришлось сделать вроде кубика, так появились оттенки серого, а с появлением эппловской, условно говоря, технологии появились мониторы, у которых вообще нет проблемы с цветом, фантастическая контрастность, но и свои большие недостатки: эти дисплеи «жрут» энергию как сумасшедшие — на iPhone 75 % электроэнергии тратится на монитор, другой недостаток — высокая стоимость. Четыре года назад 42-дюймовая панель стоила $10 000, а сейчас — уже 1000. И этот процесс идет такими сумасшедшими темпами и технологически развивается с такой скоростью, что, в принципе, пленка, на которой можно выводить изображения, она уже есть.

Послезавтра

— Что значит пленка?

— Ну представьте себе, что у вас лежит сложенный лист: вы пришли, раскрыли его, и на нем появилось изображение. Т. е. электронная бумага, как ее любят называть. У нее еще много недостатков, она дорогая, но в течение 3–5 лет это будет решено, и, чем клеить обои, вам дешевле будет наклеить на стены такую пленку. Это приведет к тому, что мониторы начнут стремительно распространяться, и произойдет разрыв между устройством, через которое поступает информация, условно говоря, системным блоком, и монитором. Сейчас все работают над беспроводным интерфейсом между устройством и монитором.

— И как это будет работать?

— Ну, скажем, в сумочке у вас будет лежать коробочка, размером со спичечную, где будут размещены процессор, память, батарейка и модули, отвечающие за связь, в которых будут храниться ваша идентификация и через которые идет информация. Скорее всего, через год-другой ее и доставать-то из сумочки не придется — будет отлажено эффективное управление голосом. Дальше вы приходите куда-то — перед вами висит 10 мониторов, Wi-Fi работает, на каждом сразу появится надпись «я вас вижу». Вы выберете дисплей, который вам удобнее, введете пароль, установите связь коробки с монитором. А вся ваша информация, архив будут на каком-нибудь интернетовском облаке, типа iCloud, в который вы можете зайти из любой точки мира — таким образом исчезнет проблема памяти компьютера. Я думаю, что через 5–10 лет встроенные мониторы будут на каждом столике в ресторане.

— А что будет с батарейкой? На iPhone это беда, и вы сказали, что беда эта — результат качественного монитора.

— Батарейка должна быть на 20–22 часа: все равно же человеку надо когда-то спать. Сейчас такие уже есть в лабораториях, есть и на 40 часов, но пока это вопрос высокой цены. Но через 2–3 года на устройствах типа iPad будут батарейки, способные нормально держать 20 часов.

И последняя вещь — это связь. В принципе, чтобы сегодня смотреть видео, не сжимая его (для низких скоростей видео передают в сжатом виде, чтобы уменьшить объем передаваемой информации, а распаковка происходит на мобильном устройстве и требует большого объема работы процессора, а это чувствительный расход электроэнергии), надо иметь минимальную скорость примерно 10–15 Мбит в секунду. Есть Wi-Fi, но он имеет маленькое покрытие, появился WiMAX, но оказался очень дорогим. И примерно тогда же появился LTE («Long Term Evolution» — его расшифровка). Это новый стандарт, который может передавать 300 Мбит в воздухе. Ну, как вы понимаете, стандарт и реальная жизнь — это вещи разные, так вот во всех проектах, которые уже есть, в воздухе примерно 30–40 Мбит.

— А почему LTE дешевле оказался, чем WiMAX?

— А потому, что самое сложное в мобильной связи — это создать инфраструктуру, т. е., условно говоря, вышки поставить. И для WiMAX надо было с нуля всю инфраструктуру создавать. А LTE — это просто некоторое развитие того, что уже есть: МТС или Билайну надо вытащить одну плату, которая в этой вышке стоит, поставить другую плату, поменять конфигурацию антенн,

но это не самое дорогое. Самое дорогое — это строить. Так вот, в мире LTE будет очень быстро внедряться: где-то примерно в 2013–2015 годах весь мир накроет LTE. Ну большую часть мира, как накрыл 3G. У вас появится возможность в любой точке иметь связь, которая позволит потреблять любую информацию.

— Т. е. это будет что-то вроде телефона?

— Да. Только ни к чему не надо будет подключаться: связь просто будет везде и всегда. И вот тут-то и начинается самое интересное.

Право выбора

— Вы будете приходить домой, садиться напротив большого монитора, не телевизора, а именно монитора, и будете говорить: «Хочу смотреть свой собственный канал». И по электронной пленке будет идти то, что вы хотите. Не то, что Костя Эрнст (глава Первого канала. — *«The New Times»*) или Леша Венедиктов (главный редактор радиостанции «Эхо Москвы». — *«The New Times»*) вам хочет показать или рассказать: это — в 18 часов, а то — в 22. Нет, всё, СМИ как агрегатор новостей отомрет: вы сами будете определять свою программу передач на день. И так каждый день.

— Но мне же надо будет из чего-то выбирать. Кому-то интереснее New York Times, кому-то — Fox News.

— Бренды останутся. Но не станет, условно говоря, главного редактора, который будет отбирать для вас новости по своему усмотрению. Это будет делать компьютер на основе той информации, которую он о вас собрал, исходя из ваших интересов и склонностей. Останутся opinion leaders — люди, чьему вкусу вы доверяете. Скажем, вы скажете, чтобы электронная пленка вам показывала все то, что смотрит, ну я не знаю, Леди Гага.

— Другими словами, хозяин моих мозгов — в смысле того, какая информация в них закачивается, — все равно останется?

— Или человек, который вам ментально ближе. В результате резко возрастет роль производителей контента: вы будете платить за талант. Брендовые издания — конечно, не на обычной бумаге, на электронной — останутся, а не брендовые — умрут. Вот смотрите: года два назад число электронных книг, проданных на Amazon, впервые превысило число бумажных. Но важнее другой тренд: меняются отношения между издателем — писателем — читателем. Была такая история: парень носил свою рукопись по издательствам — ему везде отказывали, он пришел на Amazon, предложил: «Давайте я у вас выложу книжку, вы будете ее продавать, а за это я вам буду платить 20 %». В результате он продал 10 тысяч своих электронных книг и заработал кучу денег. Т. е. издатель отпал — он оказался не нужен, нужна платформа, т. е. киоск и читатели. Мы живем в мире, где спрос важнее предложения. И этот спрос будет либо на качество, либо на то, что выбрали читатели, чьему мнению вы доверяете. Ну вот, например, есть самый великий яхтсмен Рассел Кутс, а я хожу под парусом, и я хотел бы читать про паруса все то, что он читает. Собственно, ваш компьютер, который 90 % времени ничего не делает, будет подбирать вам ментальные модели. Мир информации будет крайне персонализирован. Раньше вам надо было думать, искать, подходит вам этот человек для общения, скажем, в сети или нет. А в ближайшем будущем за вас это будет делать компьютер.

Наедине со всеми

— Т. е. никаких секретов и никаких сюрпризов. Унификация по ментальным моделям. Прозрачный мир. Курт Воннегут, да и только. Не убеждена, что я хочу жить под таким стеклянным колпаком.

— Мир станет не только более прозрачным (строго говоря, с появлением социальных сетей это уже произошло), но и более непредсказуемым. А в чем-то и более опасным. Сети ведь позволяют объединяться не только тем, кто за свободы, но и тем, кто про погромы — вспомните, как это происходило в Лондоне, где банды формировались и направлялись посредством мобильных устройств. Возникнут цивилизационные ограничения — на тот же интернет. На примере той же Англии (Англии, не Египта!) мы убедились, что технологический прогресс может вести к регрессу социальному. И, вероятно, возникнет и какой-нибудь подпольный интернет. Или не возникнет. И те, кто не захочет жить в прозрачном мире, будут уходить в леса или уезжать на необитаемые острова, где не будет компьютеров. А те, большинство, кто никуда не уедет, будут жить в мире, в котором не будет no name интернета — в сети надо будет для входа предъявлять паспорт, про каждого человека будет все известно: что кто любит, какие вещи носит, какие фрукты, еду, хлеб предпочитает. А это, в свою очередь, повлечет за собой изменения бизнес-моделей почти всей экономики, ориентированной на потребителя. Но важнее другое: те или тот, кто будет контролировать устройства передачи информации, будут контролировать мир.

— Строго говоря, это идея Стива Джобса: вам комфортен интерфейс Apple, вы покупаете телефон, читалку, компьютер, музыку из Apple Store, кино, книги оттуда же. И не заметили, как оказались в его технологической власти: гаджет другой компании — и сразу масса расходов.

— Ну Джобс просто все хотел делать сам. И это неправильно. Но цель — да, такая, иметь контроль. Сейчас идет борьба интерфейсов, т. е. операционных систем: кто сделает лучше, комфортнее для потребителей информации. Таких компаний я сейчас вижу три: Apple, Google, Microsoft. Только у них есть достаточно сильных программистов, которые способны выиграть соревнование. Google купил Motorola, у Apple свои устройства передачи информации, Microsoft практически уже прибрал к рукам Nokia. Дальше они начнут убирать с рынка мобильных операторов — это такой нарыв, который заставляет вас переплачивать за связь минимум в 2 раза, чем эта связь стоит. Их инфраструктура, те же вышки отойдут либо производителям контента и устройств — скажем, Google, либо, что скорее, инфраструктура — как канализация или водопровод — будет принадлежать государству.

Цена комфорта

— И тогда государство получит полный контроль?

— Послушайте, государство и так в любой момент может вырубить любого оператора — не надо строить на этот счет никаких иллюзий. А возвращаясь к названным мною трем гигантам — они могут в результате получить колоссальную власть. И чем это обернется, мы не знаем. С другой стороны, социальные сети будут выстраивать свою политику, которая будет совсем не такой, какой она является сейчас. Влияние будут иметь не лидеры — группы, сообщества.

— Вы начали так красиво, а заканчиваете за упокой.

— Нет, просто нас ждет другой мир. За цивилизационные удобства надо будет платить: хочешь их — вписывайся в матрицу, нет — пожалуйста, в лес. Будут огромные новые вызовы. Будут свои интернет-гетто, в которых полный ужас и кошмар. Появятся какая-то новая социально-политическая модель, новые правила. Скажем, политики будут иметь меньше права на ошибку: они же тоже будут жить в прозрачном мире. А, напротив, сетевые сообщества будут иметь значительно больше возможности влиять на выбор политики. Короче, это не черно-белая картинка: она цветная и многомерная. И самое главное, она принципиально другая, чем та, в которой мир живет сейчас. Если я, конечно, не ошибаюсь…

Беседовала Евгения Альбац,
www.newtimes.ru

Ганна ГАРАЧКА

Казачнік Сяргей Вітушка

Сяргей Вітушка — гэта чалавек, які здольны ствараць цуды. Калі ён напісаў кнігу, дык аказалася, няма ніякай праблемы з грашыма на выданне!

Зрэшты, грошы — гэта ўсяго толькі адбітак вартасці стасункаў паміж людзьмі. Варта было толькі даць абвестку:

«Гэй, талакоўцы! Адраджэнцы беларушчыны 80-х! Памятаеце?.. Як збіраліся, як спрачаліся, як радаваліся адзін аднаму. І як змагаліся, і як разам браліся за справы — простыя і патрэбныя. Варта ўспомніць тыя гады. І варта яшчэ раз аб'яднацца ў Талаку. Ізноў вакол Сяргея Вітушкі. Ён напісаў кнігу. Простую і патрэбную. Для дзяцей. Для ўнукаў ужо нашых. Для нас, колішнія талакоўцы! Давайце выдадзім кнігу Сяргея Вітушкі. Талакою!»

Даволі значная сума на выданне кнігі Сяргея Вітушкі была сабраная неверагодна хутка, ды яшчэ засталіся людзі, якія шкадавалі, што не паспелі далучыцца.

І вось аўтар ужо трымае сваю кніжку ў руках, яму расказваюць, як яна выглядае... Больш за 10 гадоў Сяргей Вітушка не бачыць, таму і сваёй кнігі з цудоўнымі ілюстрацыямі Міхала Анемпадыства разгледзець не можа.

Талака

Не пабачыў ён на ўласныя вочы і Мінскае ратушы. Хоць чвэрць стагоддзя таму я пачула, што ёсць такі Сяргей Вітушка, менавіта ў сувязі з ратушаю. Дзівам было тады, у сярэдзіне 80-х, даведацца, што ў Мінску (нават не ў Мінску, а ў Менску!) была ратуша. Само слова «ратуша» для мяне, выпускніцы савецкай школы, было чужым, хоць вельмі прывабным.

Дзівам было даведацца, пры якіх абставінах ратуша знікла. Хлопцы, якія маніліся яе аднавіць, гэтак натхнёна пра яе распавядалі, што сумненні знікалі — ратуша паўстане, пасля чаго жыццё непазбежна зменіцца да лепшага.

Я памятаю, як паспяшалася з гэтаю добраю навіною на радыё, у колішнюю «Беларускую маладзёжную», дзе была тады пазаштатным аўтарам. І ў адзін з вечароў цэлая гадзіна эфіру была прысвечана спрэчкам. Як звычайна, новае спрачалася — «бралася ў рожкі!» — са старым. На баку новага была якраз старажытная ратуша! Новым быў гонар за яе і жаданне адбудаваць на тым самым месцы, дзе яна і стаяла. А старым былі звонкагалосыя камсамольцы са сваімі нібы палымянымі лозунгамі. Старажытнае супраць старога. Трывушчае і жыццяздольнае — старажытнае! — супраць маразматычнага, якое дажывала ўжо свой век.

Новымі былі людзі, якія зусім сур'ёзна размяркоўвалі абавязкі: хто будзе цэглу класці, хто зоймецца праектам ратушы...

Клуб «Талака» ў выходныя збіраўся, напрыклад, у Траецкім прадмесці, якое тады рэканструявалася, і выносіў горы смецця. Без ніякай аплаты за работу, без кіраўніцтва камсамола, што было тады з'яваю нечуванаю, без нагляду і закліку камуністычнай партыі, што было ўжо зусім жахліва. Па ўласнай ініцыятыве. Таму тая гадзінная перадача на хвалях «Беларускай маладзёжнай» так і называлася «Незапланаваны энтузіязм». Энтузіясты браліся за работу цяжкую і брудную, а думкі ў іх былі ўзнёслыя.

Талакоўцы хадзілі па кабінетах і ўводзілі савецкіх чыноўнікаў у ступар простым пытаннем: «Дык чаму вы наш "Клуб аховы спадчыны" не хочаце зарэгістраваць?» Гэтае ж пытанне задавала тады і я як карэспандэнт «Беларускай маладзёжнай». А з тлумачэнняў савецкіх таварышаў на адказных пасадах вынікала толькі адно: чыноўнікі зацята баранілі пустое месца. Тое месца, дзе была калісь ратуша! Каб яно і надалей заставалася пустым.

Пра ўсе гэтыя дзеі, якія сталіся ўжо легендарнымі, Сяргей Вітушка распавядаў у 2005 годзе на радыё «Свабода». Пасля аднаго з запісаў тых успамінаў, вяртаючыся з радыё, мы з Сяргеем зайшлі ў філіял музея Максіма Багдановіча, каб удыхнуць паветра таго драўлянага дамка. Сяргей працаваў там кіраўніком, там згулялі яны вяселле з Людвікаю. А потым Сяргей хацеў падысці яшчэ да ратушы. Да той ратушы, за якую змагалася

Мітынг супраць будаўніцтва станцыі метро «Няміга» на месцы Менскага замчышча. 20 сакавіка 1988 г.

«Талака», як за... скажам так, за матэрыяльнае ўвасабленне сваіх прынцыпаў. І якая нарэшце паўстала. А Сяргей быў ужо сляпы. Ратушы ў цэнтры Менска яму ўжо было не ўбачыць. Дык ён сказаў тады, што хоча падысці ды хоць ілбом аб яе пастукацца, каб упэўніцца, што яна ўжо тут, на сваім месцы.

А тады, на мяжы савецкіх застойных часоў і перабудовы, калі сярод цалкам падкантрольнай камсамолу моладзі нечакана з'явіліся «нефармалы», ратуша здавалася цудам, пра які можна марыць, але які наўрад некалі здзейсніцца. Незапланаваны энтузіязм палохаў.

Усе ведалі тады, што лідарам моладзі, завадатарам быў Сяргей Вітушка, але мы не ведалі тады, што праз шмат гадоў будзем казаць пра яго як пра легенду беларускага рэнесансу 1980-х.

З успамінаў Сяргея Вітушкі

Сяргей Вітушка: Пачалося ўсё з талок, з працы па рэстаўрацыі дойлідства. Рэстаўравалася Траецкае прадмесце, потым пачаліся працы ў Верхнім горадзе, раскопвалася Замчышча. У Менску было шмат аб'ектаў, дзе працавалі археолагі, рэстаўратары. Нам было цікава ім дапамагчы, бо мы слухалі расповеды кіраўнікоў, а гэта былі знакамітыя археолагі: Алег Трусаў, Зянон Пазняк... Мы марылі пра тое, як зменіцца наш горад. Нам было нецікава жыць у гэтых сучасных мікрараёнах. Памятаю, у мяне нарадзілася ідэя. Калі глядзіш на гэтыя шэрыя, квадратныя дамы, дык і думкі такія самыя — шэрыя і квадратныя, а калі глядзець на барочны касцёл з высокімі вежачкамі, якія ў неба ўзнімаюцца, дык і думкі такія кучаравыя ды імкнуцца кудысьці ўверх. Вельмі добра перадаваў наш настрой і імпэт да рэстаўрацыі верш Галіны Дубянецкай.

Я званіцы адраджаю начамі,
Каб над горадам званы загучалі,
Каб над ім усхвалявана і лёгка
Вышыня ўварвалася ў вокны.
І ў сябе скіраваныя вочы
Людзі ўзнялі ў гору аднойчы.
Вочы ўзнялі і расправілі плечы
І ўзгадалі разам аб нечым.

Ідэя была такая — каб чалавек адчуў, што гэта яго родны горад! Каб кожны мянчук хоць раз прыйшоў на талаку, каб паклаў сваю цаглінку ў адбудову старога храма. Тады б ён з гонарам мог сказаць: «Я жыхар гэтага старажытнага горада!» Каб кожны мянчук залез у раскоп на Нямізе. 9 метраў чорнай зямлі. Г. зн. колькі людзей тут жыло! Чалавек іначай бы сябе адчуваў: можа быць, успомніў, што ён беларус, што ў яго ёсць мова. Вось такая была ў нас матывацыя. Мы не звярталі ўвагі, што працуем бясплатна на бруднай рабоце.

Калі пачалася рэстаўрацыя Траецкага прадмесця, у «Вячэрнім Мінску» друкавалі абвесткі, дзе запрашалі на суботнікі. Спачатку ў абавязковым парадку туды прыводзілі школьнікаў і студэнтаў, якіх накіроўваў камсамол. Але яны доўга не затрымаліся. А маладыя людзі, якіх ніхто не арганізоўваў, заставаліся.

Імпрэза «Талакі» для дзяцей у Доме літаратара. 1989 г.

Талака была створана ў 85-м годзе. А праз 2 гады, калі пра нас сталі пісаць, пачалі ўзнікаць аналагічныя клубы ў іншых гарадах Беларусі. Мы сустракаліся, знаёміліся, планавалі сумесныя вандроўкі, мерапрыемствы. Паступова нарадзілася ідэя канфедэрацыі беларускіх суполак. Мы іх называлі «вальныя соймы». Гэта з гісторыі. Мы ж былі ўлюбёныя ў беларускую гісторыю, дык «перакопвалі» таксама і гістарычную спадчыну, шукаючы, што са старажытнага можа прыдацца і ў сённяшнім дні.

Калісьці ў Беларусі былі соймы, соймікі, вальныя соймы... Форма арганізацыі беларускай шляхты. Мы назвалі свае зборкі гэтымі старымі беларускімі слоўцамі. Мы нават спрабавалі наладзіць дыялог з камсамолам. Яны па сваёй звычцы спрабавалі перахапіць у нас ініцыятыву, узначаліць нас, арганізаваць і зрабіць бяспечнымі.

Талакою было зроблена шмат рэальных спраў. Дзякуючы талакоўцам быў створаны праект рэгенерацыі Верхняга горада ў Мінску, адноўлены дом Ваньковіча. Талакоўцы абаранялі Цэнтральны пляц і сквер са славутым хлопчыкам з лебедзем, бо, паводле праектаў, сквер планавалі знішчыць. Талакоўцы апекаваліся Музеем народнай архітэктуры і побыту ў Строчыцах.

Маладыя людзі жартавалі: «Дзе пачую талаку, туды ногі валаку». І жартавалі, і спрачаліся, і проста размаўлялі паміж сабою толькі па-беларуску. На той час гэта было ўчынкам!

А потым найбольш актыўныя талакоўцы пайшлі ў палітыку і дзейнічалі ў шэрагах Беларускага Народнага Фронту.

Майстар

Па-рознаму склаўся лёс талакоўцаў. Але назаўжды яны засталіся талакоўцамі. Вось і кнігу Сяргея Вітушкі выдавалі талакою. Рэдагаваў кнігу Сяргей Дубавец, які для гэтага рэгулярна наведваў аўтара ў лякарні. Некалькі месяцаў ім даводзілася выкройваць час паміж медычнымі працэдурамі, бо апроч страты зроку цукроўка, на якую з падлеткавага ўзросту пакутуе Сяргей Вітушка, выклікала ў яго і іншыя шматлікія праблемы са здароўем.

Казкі ў Сяргея атрымаліся добрыя, такія самыя, як ён сам. Кніжку ён напісаў цікавую, хоць пра свае тэксты, а іх у кніжцы 15, ён кажа: «Змайстраваў». Аўтар прапануе ў казкі пагуляць: «А можна гуляць у казкі — знаёмыя і тыя, што прыдумаў сам. Альбо ў тыя, якія змайстраваў для цябе я», — піша аўтар. Майстар! Гэтак сівы дзядок на прызбе ў атачэнні дзяцей майструе свісцёлкі.

А мне прыгадваецца іншы Майстар, які ў адным з лепшых раманаў прапанаваў: «Дай руку, чытач, і я пакажу табе...» Той раман чытаецца і перачытваецца, а да пісьменнікаў з’явілася мерка — аднаму хочацца даць руку ды ісці за ім безаглядна, а ў іншага хочацца руку вырваць, бо, здаецца, што ён цягне сілаю. За руку з Вітушкам ідзецца надзвычай лёгка! Рука ў яго надзейная. Хоць сам павадыр — невідушчы.

На вокладцы кнігі — сінявокі хлопец. Гэта сам казачнік — Сяргей Вітушка. Мастак Міхал Анемпадыстаў намаляваў яго на фоне зялёных палеткаў, паплавоў, прысадаў... Веснавы далягляд мае безліч адценняў зялёнага. Гэтак насніў аўтар.

Аднойчы ў перадачы пра сны на радыё «Свабода» невідушчы ўжо Сяргей сказаў: «Цяпер я стаў прафесійным гледачом сноў!»

Сяргей Вітушка: Я раскажу пра адзін сон, які мяне ўразіў. Мне снілася вёска, дзе мая бабуля жыла. Шнурам хаты шэрыя, а насупраць кожнай хаты — агароды. Вясной яны пачынаюць зелянець розным колерам. І вось я бачу гэтыя агароды розных адценняў зялёнага. Я стаю і захапляюся: сіняе неба, шэрыя хаты і вось гэтыя зялёныя шнуры, такі вясновы пейзаж перад вачыма!

Вось туды — не ў цемру, а наадварот, хай сабе нават не з поўнай цемры, а толькі з шэрасці і цьмянасці нашай штодзённасці ў свае каляровыя фантазіі — вядзе нас гэты павадыр з пранізлівым блакітам невідушчых вачэй. І ніякіх усмешак! Хлопец на вокладцы перакрыжаваў рукі на грудзях і пазірае зусім сур’ёзна. Ён прапануе пагуляць, а гульня магчымая толькі калі ўсё напраўду.

«Ніякія гэта не казкі-выдумкі. Гэта чыстая праўда... Так што смела бярыце гэтую кнігу як інструкцыю і рушце ў сапраўднае падарожжа. Ваш Сяргей Вітушка».

На фотаздымку, змешчаным на адваротным баку вокладкі, наш Сяргей Вітушка ўжо ўсміхаецца. Дык і не дзіва, бо, відаць, ён уявіў сабе крыху прыгаломшанага чытача, які даверліва даў аўтару руку, пачаў гартаць старонкі і даведаўся, што

...«Вільнюс» (калі ўжо Вільнюс!) трэба пісаць з мяккім знакам — «Вільнюсь», як Міхась ці Юрась.

...па жывую і па мёртвую ваду можна далёка не хадзіць, а варта толькі заплакаць шчыра.

...апроч Калядаў і Новага года ёсць яшчэ Свята Першага Непатаптанага Снегу, а таксама Свята Хрумсцення Першым Лёдам на Лужынах ды іншыя.

...лепшая зброя на Цмока — гэта пукаты шчыт, у якім адаб’ецца ягоная ж скрыўленая морда, якою ён сам усіх палохаў да смерці. Няхай здохне! Нават калі ад рогату.

З кнігі Сяргея Вітушкі мы даведаліся, як мінскія помнікі рушылі да плошчы Незалежнасці. «На сход, на вялікі сход!» А дзяды і бабы (мільёнаў так з дзесяць) пайшлі грамадою да Парнаса, каб дапытацца, нарэшце, у сваіх паэтаў, які ж ім спяваць гімн... Ну і гэтак далей. Гульня!

Можа, тут бы прыдаўся нейкі тэрмін кшталту «постмадэрнізм», але пра гэта няхай разважаюць крытыкі. А мне больш за ўсё спадабалася вандроўка Духмяны — аблачынкі ляснога водару — па Вільні. Паэт ён, гэты аўтар, дый годзе! Хто б з відушчых тую Духмяну ўгледзеў? Праўда, можна паспрабаваць, для гэтага варта на нейкі час проста заплюшчыць вочы.

Пераможца страхаў

Гэта не страшна! Гэта кажа нам казачнік Сяргей Вітушка. Чалавек, які можа ўпэўнена сказаць, што такое страх, як з ім жыць, як з ім змагацца, што з ім, са страхам увогуле рабіць. Бо ён ведае.

Нядаўна ўзнікла было задума зрабіць адзін з нумароў часопіса «ARCHE» тэматычным, якраз пра страх, але з гэтай задумы нічога не атрымалася, бо страх, відаць, чарговы раз перамог. Для гэтага нумара рыхтавалася інтэрв’ю з Сяргеем Вітушкам, які згадзіўся пагаварыць пра сваю хваробу. Хіба ж не гэтага мы больш за ўсё на свеце баімся — страты здароўя? Хвароба Сяргея наступае. Паступова, няўхільна, няўмольна...

Сяргей Вітушка: Захварэў на цукроўку я ў 15 гадоў, гэта была поўная нечаканасць, бо ў сям’і ніхто з такімі цяжкімі хваробамі не сутыкаўся. Гэта было шокам, але, дзякаваць Богу, нейкі рэсурс маладых сілаў быў у арганізме.

Карэспандэнт: А як доктар абвясціў гэты прысуд на ўсё жыццё?

С. В.: Дактары — малайцы. Яны не цырымоняцца. Вельмі проста і спакойна мне гэта сказалі. Цяпер з хворымі працуюць псіхолагі, але я з гэтым не сутыкнуўся. Мая бабуля, светлай памяці, калі я да яе прыязджаў у вёску, пыталася: «Ну дык што, можа, ты ўжо паправіўся?» Яна бачыла гэтыя бясконцыя ўколы, таблеткі, і як у звычайнага чалавека ў яе было разуменне, што гэта павінна дапамагчы. А тое, што гэта назаўжды, у маёй бабулі ў галаве не ўкладвалася.

К.: А ў цябе?

С. В.: Дзякуючы падлеткаваму ўзросту мною гэта таксама да канца не ўсведамлялася. Гэта дазволіла перажыць гэты першы шок спакайней.

К.: Хвароба, відаць, накладала шмат абмежаванняў?

Угодкі БНР. Дзень Волі. Мітынг і шэсце. 25 сакавіка 1990 г.

С. В.: Так. Кожны дзень трэба было кіпяціць шпрыцы. Таму быў прывязаны да дому. Нават на два дні з сябрамі ў вандроўку было надзвычай складана пайсці. Мяне з бальніцы выпусцілі і не навучылі рабіць уколы. Выдалі шпрыц, запас інсуліну… Першы раз нібы харакіры сабе рабіў. (Смяецца.) Але страх вельмі хутка мінуў.

Паступова да мяне прыйшло разуменне, што гэта ўсяго толькі дзівакаваты спосаб жыцця! Колькі б не было мільярдаў людзей, кожны — унікальны. Дык гэта мой асабісты, непаўторны спосаб жыцця. Ёсць паняцці «жыццё» і «не жыццё». Гэта жыццё! І многія страхі былі пераадоленыя ўжо тады.

К.: Ці не было напачатку роспачы, непрыняцця таго, што здарылася?

С. В.: Мама цішком, напэўна, плакала, але я не бачыў. Была трывога. Заўважаў шкадаванне з боку блізкіх. Асцярожнае, трывожнае назіранне. А ў мяне перыядычна з'яўлялася нейкае здранцвенне. Не ўсплёск эмоцый, а нейкае аняменне. Пры кожным новым павароце гэтай хваробы ўзнікае гэты стан. Колькі не хварэю, здаецца, ужо і навучыўся, але…

К.: Ці папярэджвалі дактары, якія могуць быць наступствы гэтай хваробы?

С. В.: Нібыта папярэджвалі... Але гэта не было надта актыўна. А я пускаў гэта міма вушэй, як часта робяць маладыя людзі. Цяпер я сам — бацька, дык даўно пераканаўся, як дзеці не слухаюць перасцярог. Я часта ляжаў у шпіталях і бачыў, што суседзі па палаце знаходзяцца ў цяжкім стане. Нібы разумеў, што і я ад гэтага не застрахаваны, што і мне гэта пагражае. Але на раннім этапе хваробы не разумелася, што трэба больш дбаць пра здароўе.

Цяпер тут, у Літве, вельмі шмат увагі надаецца не проста лячэнню, а навучанню. Цукровы дыябет як стыль жыцця. Людзі з інструктарам нейкі час жывуць разам. Ходзяць у краму, вучацца купляць патрэбныя прадукты. Вучацца гатаваць сабе «правільную» ежу. Размаўляюць. Гэта псіхалагічны трэнінг. Едуць за горад на роварах, каб спраўдзіць сябе ў фізічных нагрузках. Калі ёсць такое навучанне, дык і ўскладненняў нашмат менш. Гэта і дзяржаве, і грамадству выгодна.

А я нарабіў тады шмат памылак. Дык хацеў бы зараз перасцерагчы маладых людзей, бо непазбежна хтосьці пачынае з гэтай хваробай жыць. Можа, мяне нехта пачуе з маладых — быць да здароўя больш уважлівым. Я пераклаў Міцкевіча па-свойму: «Здароўе маё, як Радзіма, ты мне дарагое». Напрыклад, я прынцыпова не афармляў інваліднасць. Я не жадаў мець гэтага пасведчання. Уцякаў, нібы стараўся жыць, як усе. Нікому не казаў ні ў школе, ні ва ўніверсітэце. На людзях я стараўся не казаць, што я хворы. Гэта памылка! Трэба было патлумачыць сябрам, што са мною робіцца. Трэба было навучыць іх, якая патрэбна дапамога, калі са мною будзе нешта не так.

К.: А сам ведаў, што можа здарыцца?..

С. В.: Дык здаралася! (Смяецца.) Як жа не ведаў! Бывалі такія выпадкі. Калі вельмі высокі цукар і калі вельмі нізкі. Гэта аднолькава кепска для здароўя. Здаралася, што ляжаў, зваліўшыся на снег.

К.: Звычайна такіх людзей абмінаюць, бо думаюць, што хлопец п'яны…

С. В.: Так. Абмежаванняў рабілася ўсё больш. Уколы, строгая дыета. Потым, калі пачалася хвароба нырак, стаў прывязаны да шпіталя, дзе трэба было рабіць дыяліз. Тры разы на тыдзень трэба ляжаць там гадзіны чатыры.

Спачатку, калі мне сказалі, што мне трэба рыхтавацца да дыялізу, я адказаў: «Ні за што!» Два гады я спрабаваў змагацца з хваробаю з дапамогаю вельмі строгай дыеты. Але гэта не дапамагло. На жаль, чалавечы арганізм такі — ёсць незваротныя працэсы. Калі б гэтых працэсаў не было, мы б жылі вечна. Хоць я быў ужо і дарослы, і разумны, але я доўга не мог змірыцца з гэтай думкай. Я спадзяваўся, што калі ныркі захварэлі, дык я іх вылечу! Знайду спосаб! Я спрабаваў і п'яўкі, і трасцу-халеру розную… Ніяк не мог змірыцца.

К.: Але калі ўсё ж пайшоў на дыяліз, гэта не была капітуляцыя, бо аказалася, што і гэтак можна жыць…

С. В.: Так! І я шчаслівы, што пражыў яшчэ і гэтыя больш за 10 гадоў. Столькі зрабіў важнага, карыснага і цікавага для самога сябе. Я шчаслівы, што сучасная медыцына дазваляе гэта. Яшчэ гадоў 20–30 таму гэтага не было.

К.: Людзі, якія чуюць пра дыяліз, дык успрымаюць гэта, як прыгавор… Аказваецца, што гэта не так?

С. В.: Любая хвароба, нават рак — гэта не прыгавор. Нават калі табе засталося месяц ці год пражыць — гэта не важна. Ніхто не ведае, колькі ён пражыве. Чалавечы век — 100 ці 120 гадоў, але ты гэтага не ведаеш. Табе не трэба пра гэта думаць.

На дыялізе хто спіць, хто тэлевізар глядзіць, а хто і планы строіць. Самая цікавая была першая працэдура… Лічыцца, што душа ў крыві, дык здавалася: «О! Божа! Гэты апарат, як вампір…» Пасля працэдуры скідаеш 3–4 кг. Але пасля першай працэдуры я ўстаў, паглядзеў у люстэрка: «Ну, здаецца, я!» Усё на месцы: нос, вочы, думкі ў галаве…

К.: Не засталіся на фільтры?..

С. В.: Не, не засталіся. Можна жыць далей. Пачынаеш з гумарам да гэтага ставіцца. Я б кожнаму хвораму на цукроўку ў першы ж месяц ягонай хваробы рабіў экскурсію ў аддзяленне гемадыялізу, каб чалавек паглядзеў, што з ім будзе, калі не будзе дбаць пра сябе.

К.: Па сутнасці, гэта напалохаць…

С. В.: Так! Дык страх жа — ён такі! Як запалкі ці востры нож… Можна скарыстацца для добрага нечага — лусту хлеба адрэзаць, у печы запаліць,

Даведка: Сяргей Вітушка нарадзіўся ў 1965 годзе. Адзін з лідараў беларускага дэмакратычнага руху моладзі напрыканцы 1980-х гадоў. Скончыў у Мінску прафесійна-тэхнічную вучэльню № 68, пасля працаваў рабочым на вытворчым аб'яднанні «Інтэграл». У 1989 годзе скончыў гістарычны факультэт БДУ. Старшыня клуба «Талака», каардынатар Канфедэрацыі беларускіх суполак. З 1988 года — у БНФ. Стала займаўся каардынацыяй і арганізацыяй маладзёвага руху, кіраваў правядзеннем шматлікіх акцый, у прыватнасці мітынгам у Верхнім горадзе ў Мінску зімою 1987 года супраць будаўніцтва метрапалітэна пад гістарычным цэнтрам сталіцы, Вальным Соймам беларускіх суполак зімою 1988 года, экалагічнымі маршамі па Прыпяці і Дзвіне. Як кіраўнік клуба «Талака» рэгулярна ладзіў масавыя мерапрыемствы, найперш фальклорныя маладзёвыя святы (Купалле, Каляды, Гуканне вясны), талокі на Траецкім прадмесці, у Верхнім горадзе ў Мінску. Уваходзіў у ініцыятыўную групу Аргкамітэта БНФ, браў удзел у Першым з'ездзе БНФ у Вільні. Актор самадзейнага тэатра «Золак», выконваў ролю Васіля Ветра («Маці ўрагану» паводле п'есы У. Караткевіча). Аўтар шэрагу публікацыяў па праблемах маладзёвага руху, аховы помнікаў краязнаўства («Мастацтва Беларусі», «ЛіМ», «Голас Радзімы», «Чырвоная Змена», «Навіны БНФ», «Брук»). Апошнім часам быў сталым аглядальнікам эфіру незалежных радыё «Свабода», «Рацыя», «Палонія», «Еўрапейскае радыё для Беларусі», а таксама выступоўцам і аўтарам у розных праграмах на гэтых радыёстанцыях.

а можна і хату спаліць ці чалавека зарэзаць... Трэба правільна навучыцца карыстацца страхам. Страх — гэта рухавік прагрэсу. Страх перад Судом Божым прымушае нас быць маральнымі людзьмі.

Людзі ўсе розныя. Хворыя на тую самую хваробу людзі таксама непадобныя. Адны бясконца скардзяцца, патрабуюць, каб медсястра або доктар каля іх стаялі... Я не з такіх. Пра хваробу я толькі з доктарам пагавару, але не з суседам па палаце. Лепш пагаманіць пра штосьці іншае. Нават пра надвор'е, пра кулінарыю, пра ўспаміны дзяцінства. Або маўчым, або на гэтыя тэмы размаўляем.

К.: Страшна нават гаварыць на гэтую тэму. Страшна задаваць пытанні... Бо што можа быць страшней, чым апынуцца ў поўнай цемры?

С. В.: Дзякуючы такому цуду тэхнікі, як лазерныя аперацыі, яшчэ доўга мне ўдавалася лячыць вочы. Гэта дазволіла даволі доўга быць у нармальным стане. Доўга яшчэ мог працаваць. Потым цягам 2–3 месяцаў зрок стаў рэзка горшаць... Я пачаў хвалявацца, мяне паклалі ў шпіталь. Увечары лёг спаць, яшчэ бачыў, а раніцаю ўстаю — цёмна нешта... Рукамі адкрываю вочы... Цёмна! Хоць і ведаў, што гэта можа здарыцца, але не паверыў. Некалькі месяцаў быў стан здранцвелы. Калі замыкаешся ў сабе. Элементарна трэба было вучыцца жыць. Спрабаваў вобмацкам асцярожна вызначыць, што я магу цяпер рабіць. Мне вельмі дапамог настаўнік. У Літве гэта 90 гадзін заняткаў з настаўнікам. Мяне вучылі хадзіць з кійком, рабіць усе хатнія работы... Чалавек не звяртае ўвагі, што ён вельмі шмат чаго робіць з дапамогаю слыху, нюху... Не ўсё вачыма. Шмат што рукі памятаюць, як трэба рабіць. Ёсць шмат хітрыкаў. Наклеіць метку ў адпаведным месцы, напрыклад.

К.: А што горш за ўсё?

С. В.: Я вельмі сумаваў, што не магу больш чытаць. Бо прафесійная дзейнасць была звязаная з кнігамі. Я і цяпер... калі трымаю ў руках кнігу, у мяне ў сэрцы такі жаль, боль... Я шмат якія кнігі памятаю, вокладку... ледзь не кожную старонку... шрыфт... Раскажу пра апошняе, што я бачыў. Калі ў мяне ўжо зрок зусім амаль страціўся, я яшчэ крыху адрозніваў святло і цемру. У нас ёсць энцыклапедыя «Беларусь», дык вось аднойчы ўвечары святло з аднаго пакоя засвяціла ў люстэрка, а з люстэрка прамень святла трапіў на кніжныя паліцы. І я прачытаў слова «Беларусь»! На карэньчыку залатымі літарамі на цёмна-чырвоным...

К.: Змагацца са страхам ці жыць са страхам?

С. В.: Трэба ўмець пераадольваць страх. Пажарнік мусіць пайсці ў агонь... А мне трэба мужна прыняць новае абвастрэнне хваробы. Чалавек не вечны, ён мае пэўны тэрмін. У мяне яшчэ ёсць нейкі рэсурс, але ён будзе змяншацца. І трэба мужна прыняць новае абвастрэнне хваробы. Не адчайвацца. Паводзіць сябе так, каб не было іх, але... Страх апынуцца ў яшчэ горшай сітуацыі прымушае мяне мець аптымістычныя думкі. Дыктуе стыль паводзінаў. Гэта мінімалізм. Ва ўсім. У харчаванні, у адзенні... Я раскашую ў той час, калі пішу казкі, я раскашую, спрачаючыся пра палітыку, а ў побыце — гэта мінімалізм.

К.: У пералік мінімалізму ўваходзіць і кантактаванне з сябрамі, відаць?

С. В.: Так... Вось ты мне патэлефанавала, запыталася, я расказваю вельмі ахвотна, але я стараюся не навязвацца. Дзякаваць Богу і маёй мудрасці ў маладосці, калі я завёў шмат сяброў, я цяпер адчуваю, што ў мяне шмат добрых знаёмых. Гэта дазваляе мне не адчуваць сябе самотным. Каб я ў маладосці прысвяціў сябе толькі хваробе, я б не здабыў столькі сяброў. З чым бы я цяпер застаўся?!

Але мінімалізм, бо ўсіх кніжак не перачытаеш, усіх прысмакаў не пасмакуеш... Я не ведаю, як пачуваецца чалавек, які не бачыў ад нараджэння. А я шчаслівы тым, што я пацягаўся па свеце, шмат што бачыў. Мне так утульна туды вяртацца... Гэтыя ўспаміны ўва мне. Можа, гэтыя краявіды ўжо зусім змяніліся, але я туды вяртаюся. У мяне не толькі кашмарныя сны, ёсць і прыемныя, калі я бачу твары родных, родныя краявіды...

Удзельнікі II Вальнага Сойма беларускіх суполак у Вільні. 15 студзеня 1989 г.

Наша Вільня

Падчас усіх маіх размоваў з Сяргеем Вітушкам, а гэтых размоваў было нямала, мяне ніколі не пакідала адчуванне, што я набіраюся ў яго жыццёвай энергіі, аптымізму, спакою, упэўненасці... У чалавека, якога гэтак даймае хвароба, што, здавалася б, толькі з суцяшэннем і са словамі падтрымкі да яго і трэба звяртацца. Нічога падобнага! Мы размаўляем пра ўсё на свеце, і ніколі, аніводнага разу не пачула я ад Сяргея Вітушкі скаргаў на жыццё. Ніколі. А гэта, я лічу, — цуд.

Сам сябе Сяргей Вітушка, нібы жартам, называе так: «Я — грамадзянін Вялікага Княства Любові». Ён даўно ўжо стаў чалавекам-легендаю. Жывою легендаю Вільні.

З успамінаў Сяргея Вітушкі

Сяргей Вітушка: У 91-м годзе я прыняў рашэнне абзавесціся сям'ёю і вырашыў, што мы пераедзем у Вільню. Я мог бы перацягнуць да сябе Людвіку з Вільні сюды, у Менск, дзе мяне палова горада ведала. Цяжка было прайсці па праспекце, каб з табою чалавек 20–30 не павіталася. Але я ехаў у Вільню як на заслужаны адпачынак. Здавалася, у Беларусі адбыліся перамены. Той сцяг і герб, за якія мы змагаліся, афіцыйна быў вывешаны ўжо на ўрадавых будынках. Дзейнічала моцная арганізацыя — Беларускі Народны Фронт. Здавалася, беларускі нацыянальны цягнік стаў на свае рэйкі, едзе ў правільным кірунку. І я паехаў у Вільню, бо мне здавалася, што там трэба разварушваць беларускае жыццё. Каб Вільня не была страчаная для Беларусі. Першым гэты лозунг — «пераязджаем у Вільню!» — кінуў Сяргей Дубавец. За ім пераехала шмат маладых людзей: Сяргей Харэўскі, Сяргей Шупа, Алег Мінкін, Юра Шаўцоў, Ліля Плыгаўка... Наша праца ў Вільні была не лішняя. З гонарам магу сказаць, што Вільня для Беларусі не страчана. Яна заўсёды будзе вялікім музеем для Беларусі. Сёння кожны беларус можа знаходзіць там кавалачак старажытнай гісторыі.

Калі мы з Сяргеем запісвалі ягоныя разважанні для праграмы Радыё Свабода «У што я веру», дык пачаў ён, як часта гэта робіць, з жарту: «А я, слава Богу, — няверуючы». Але потым...

Сяргей Вітушка: На жаль, вельмі часта людзі свае мары выдаюць за веру. Адзін кажа... пераканаўча так кажа: «Я веру ў светлую будучыню Беларусі!» Думаю, што жыхары старадаўніх Атэнаў таксама верылі ў светлую будучыню свайго цудоўнага горада. Думаю, што жыхары Вялікага Княства таксама верылі ў светлую будучыню свайго Вялікага Княства. Аднак дзе тыя Атэны? Дзе тое Вялікае Княства?

Я, слава Богу, маю розум (трошкі розуму) і... я не веру — я ведаю. Я ведаю: хто працуе, той мае! І чым больш працуе, тым больш мае. Калі працаваць, дык, можа, тады і будзе светлая будучыня ў Беларусі. І сам стараюся, колькі хапае маіх кволых сілаў, стараюся рабіць, каб тая светлая будучыня заблішчала.

Фота vytoki.net

Протокол одного заседания

Анатолий ГУЛЯЕВ

Встречи коллег из Белорусской ассоциации журналистов и Белорусского Союза Журналистов становятся если не более частыми, то, во всяком случае, более регулярными. И слава Богу!

Предыстория

Правда, для того чтобы такие встречи состоялись, обязательно необходимы «пророки из чужого отечества» — в нашем случае эксперты из шведского института повышения квалификации журналистов FOJO. Поскольку общаться без посредников мы не умеем. Но тут уж ничего не сделаешь: журналистское сообщество Беларуси полтора десятка лет фатально разделено на «государственных» и «негосударственных». И это разделение, которое когда-то казалось смешным (ты ж понимаешь, «чэсныя» и «нячэсныя»!) и весьма условным, вдруг оказалось почти трагическим. Во всяком случае, очень существенным — почти как разделение на женщин и мужчин. Со своими внутренними процессами и внешними признаками. И встреча в рамках круглого стола по вопросам профессиональной этики, состоявшаяся 9 декабря, в очередной раз продемонстрировала это.

Для коллег из Швеции проблемы журналистской этики – безмерны

Накануне была достигнута договоренность, что БАЖ и БСЖ предложат для обсуждения по два материала, на основе которых можно будет предметно говорить о соблюдении (или несоблюдении) принципов профессиональной этики. И сразу возникла проблема: коллеги из института FOJO попросили, чтобы в дискуссии не были задействованы материалы из сферы политики, поскольку об этом просят коллеги из БСЖ. Все, что угодно, кроме политики!

Позиция коллег из FOJO понятна: нужно идти навстречу одной из «высоких договаривающихся сторон». Но идея сама по себе выглядела не очень серьезно: как так — журналистское сообщество, представляющее в подавляющем большинстве массово-политические издания, не хочет обсуждать политические темы! А что тогда обсуждать журналистам массово-политических изданий? Тем более что именно в сфере политики у «государственников» критики чаще всего и отмечают нарушения профессиональной этики. Достаточно вспомнить хотя бы декабрь 2010 года, когда крупнейшие «государственные» СМИ, не дожидаясь не только суда, но и хотя бы начала следствия обвинили оппонентов действующего президента в попытке государственного переворота. Т. е. в преступлении. Подобные действия прессы противоречат не только законодательству, но и этическим принципам, изложенным в Кодексах этики как БАЖ, так и БСЖ.

...Впрочем, после короткого обсуждения все согласились на это условие, поскольку было важно, чтобы встреча вообще состоялась. А в те дни только-только был вынесен приговор по делу о теракте в минском метро, и обе структуры — БАЖ и БСЖ — не сговариваясь, вынесли на обсуждение материалы, посвященные этому событию.

Обсуждение

БСЖ предоставил для обсуждения публикацию из «Советской Белоруссии» — «Дом правосудия: день третий» (автор Сергей Игнатов). Председатель Комитета по профессиональной этике и премиям БСЖ Михаил Шиманский охарактеризовал этот материал как «взвешенный» и подчеркнул: *«Сдержанность была характерной особенностью при освещении государственными СМИ этой*

темы... Когда происходит трагедия, нужно ограничивать веселую бойкость пера. Задача СМИ в том, чтобы донести из зала суда все, что происходит, — и госСМИ с этой задачей справились».

Насчет «веселой бойкости пера» никто и не спорил. Другое дело, что и роль ретранслятора материалов правоохранительных органов, которую Михаил Шиманский вольно или невольно отвел СМИ, была воспринята аудиторией без воодушевления. Что и проявилось при обсуждении предложенной БАЖ статьи Светланы Калинкиной «Легкость приговора», опубликованной в «Народной воле» 5 декабря минувшего года. Представители обеих сторон сошлись во мнении: этот материал, который ставит под сомнение приговор и задает ряд нелицеприятных вопросов, безусловно, интересен и нарушений норм профессиональной этики не содержит.

...Возвращаясь к «веселой бойкости пера» и «сдержанности» государственных СМИ в освещении процесса о теракте в минском метро... Очень хотелось обсудить еще один материал, предложенный комиссией по этике БАЖ. Это статья журналиста газеты «СБ. Беларусь сегодня» Дмитрия Крята «25-й кадр. Позиция "Евроньюс", читай всей политической Европы, такая, как есть...» от 16.04.2011. Этот материал, также посвященный событиям в минском метро и опубликованный задолго до завершения процесса, к сожалению, не стал предметом дискуссии «за недостатком времени». Хотя там было о чем говорить. Напомним содержание.

Дмитрий Крят считает, что сюжет новостного выпуска канала «Евроньюс», посвященный теракту в минском метро, содержит в себе пропагандистский месседж и не только искажает ситуацию, но и сделан в пользу оппозиции. Автор пишет: *«"Евроньюс" вряд ли когда-нибудь в финал новости вынесет мнение не оппозиции, а неполитизированных граждан»*. Т. е. позиция автора материала явно нарушает указанный выше принцип «сдержанности». Далее: *«Приговор, разумеется, — дело суда. Но наше общество, похоже, свой вердикт уже вынесло. Он на многочисленных интернет-форумах, в беседах с друзьями и знакомыми. Если не принимать во внимание анонимных провокаторов, люди в большинстве своем сходятся в мысли, что нелюдям на земле места нет. И я, признаюсь, думаю так же...»* Отметим, что, после того как государственный обвинитель потребовал смертной казни, общество далеко неоднозначно отреагировало на это. Как известно, в интернете даже был начат сбор подписей против смертной казни фигурантов дела.

Вместе с тем автор статьи приводит садистское описание способа (разумеется, не предусмотренного белорусским законодательством) наказания преступников, предложенного одним из читателей: *«Вчера позвонил взволнованный читатель. Говорит, пусть бы жили. Но расселить всех приговоренных к высшей мере и "пожизненников" рядом в вольерах из прозрачного бронированного стекла. Расставить друг за другом террариумы с табличками о совершенных злодействах. И без права на помилование. Пусть люди ходят туда, как в кунсткамеру, посмотреть на ошибки природы. Пройдут годы, приведет своего ребенка мать, которую беременной загнал на больничную койку нынешний подрывник. Расскажет, как вот это существо хотело убить их обоих, когда они были в одном теле. Родные смогут взглянуть в глаза подонков, отнявших у них близких людей. Глядишь, и стоящие у черты не осмелятся ее переступить при такой наглядной агитации...»*

При этом господин Крят недвусмысленно солидаризировался с читателем, дефинируя этот способ как гуманный: *«Я не знаю, покажет ли в таком случае "Евроньюс" сюжет о гуманном решении проблемы смертной казни»*.

Коллеги в Беларуси порой уверены: «О чем тут спорить?»

Этот материал, основательно проанализированный комиссией по этике БАЖ, содержит еще целый ряд такого рода посылов. Очевидно, что пресловутой «сдержанностью» тут и не пахнет.

Тем не менее мотив сдержанности и корректности госСМИ в ходе обсуждения звучал из уст коллег из БСЖ постоянно. И постепенно выливался в тему равноправия и равных возможностей «государственных» и «негосударственных» СМИ. Мол, в чем, собственно, проблема? На что вы жалуетесь? Нам тоже трудно.

Равные возможности

Да, коллегам трудно. По словам участника круглого стола, обозревателя «Народной газеты» Максима Осипова, *«...госструктуры*

В обсуждении участвовали известные журналисты из «государственного» сектора СМИ

рассматривают госСМИ как собственную пресс-службу, считая, что мы должны публиковать многократно согласованные пресс-релизы, которые они готовят...» «Однако это не всегда интересно нашему читателю», — сказал Осипов.

Пожалуй, это было самое честное высказывание из уст наших коллег за все время после раздела на «чэсных» и «нячэсных». Да, действительно, госструктуры рассматривают госСМИ как собственную пресс-службу. Да, действительно, «государственные» журналисты не вольны в своих суждениях и должны выдерживать «линию» власти. Да, действительно, поводок, на котором власти держат свои СМИ, может быть более или менее коротким. Но в нужный момент он становится именно таким, каким требуется, чтобы «собственная пресс-служба», не особенно рассуждая, делала ровно то, что скажут.

Но и попытки уравнять условия, в которых работают «чэсныя» и «нячэсныя» СМИ (к чему, собственно, и стремились наши коллеги) убедительными не выглядели. Клетка — но золотая. Золотая — но клетка... Главное — выбраться из нее никто особенно не стремится. Из нее скорее выталкивают. Как рассказывали сами участники круглого стола из госСМИ, накануне редактор «Звязды» Владимир Наркевич о своем увольнении с поста действительно узнал из интернета...

В этих условиях можно много говорить о частностях. Можно пытаться вырабатывать общую платформу по освещению грядущих выборов, что заведомо не принесет никакого результата. Как и в 2010 году, в редакции госСМИ поступит команда из соответствующего идеологического отдела соответствующей администрации, и любая наша платформа «без сожаленья, без участья» рухнет.

Можно пытаться обмениваться публикациями в профессиональных журналах «Абажур» и «Журналист», что тоже почти наверняка обречено на провал. Поскольку руководство «Журналиста», во времена отдаленные демонстрировавшее «широту взглядов», нынче без команды из администрации на такой шаг (упаси бог!) не пойдет. А такой команды, упаси бог, никогда не будет.

Можно обсуждать и создавать любые другие проекты. Но смею предположить: в том, что касается профессиональной этики, у «государственных» и «негосударственных» журналистов единой платформы быть не может. Как не может быть самостоятельных действий у того, чья функция заведомо сводится к безоговорочному исполнению команд.

Собственно говоря, не только я так думаю. Не зря председатель Комитета по этике Союза Журналистов Михаил Шиманский выразил мнение, что тема этики в рамках проекта уже исчерпана. *«Тема этическая уже отработана, обсудили — шаг уже сделан. Надо брать другую тему — например, мастерство журналиста. Как пишут наши, как — шведские»*, — сказал Шиманский.

Вообще-то тема профессиональной этики бесконечна. Очень хочется напомнить, что начиналось все ужасно давно, в XI—XII веках нашей эры, когда в цеховых уставах ремесленников впервые были выставлены нравственные требования. Причем такие профессионально-этические кодексы, как клятва Гиппократа, нравственные установления жрецов, исполнявших судебные функции, появились гораздо раньше.

«Эта музыка будет вечной...»
Но БАЖ готов продолжить дискуссию

И проблема активно проявляется сегодня. Медиамагнат Руперт Мердок, с которым вынуждены считаться главы государств, униженно отчитывается перед британским Парламентом... Закрыта принадлежавшая Мердоку газета «News of the World» — самый популярный и влиятельный таблоид Великобритании с тиражом около 3 млн экземпляров... Доверие теряют и другие газеты Мердока, сорвалась сделка по покупке телекомпании «BSkyB»... В отставку уходят глава Скотленд-Ярда и его заместитель, пресс-секретарь правительства... И все потому, что журналисты Мердока нарушили этические принципы.

Безусловно, тут присутствует политика, как и везде, где «пахнет жареным». Но началось-то все с того, что тамошнее общество в ходе своего развития усвоило бесспорную истину, которую еще очень не скоро, может быть, только в следующих поколениях усвоит белорусское общество: нарушение этических принципов для журналистов так же недопустимо, как нарушение норм уголовного кодекса для граждан!

Можно сколько угодно говорить о политической конъюнктуре. Но невозможно начинать разговор о плохо сваренной курице, если ее даже не начинали варить.

Утверждать, что тема профессиональной этики исчерпана, по меньшей мере наивно. Хотя за такой «наивностью» виден твердокаменный идеологический заказ. За минувшие десятилетия в Беларуси не сформировалось (наверное, и не могло еще сформироваться!) представление о профессиональной этике журналистов хотя бы как, скажем, о супружеской верности, которую многие преступают, но нарушение которой ни один приличный член общества не посмеет назвать явлением этичным, отвечающим требованиям морали. Ведь «*...даже шайка разбойников должна соблюдать какие-то требования морали, чтоб остаться шайкой; они могут грабить весь мир, но не друг друга*» (Рабиндранат Тагор, индийский мыслитель, поэт ,1861–1941 гг.).

...В перерывах дискуссии мы разговаривали с коллегами «без протокола», обменивались неофициальной информацией: о сокурсниках, о гонорарах, о книгах... Это было хорошо, это было правильно, это было профессионально. И уже хотя бы только ради этого имело смысл проводить круглый стол.

Фото Юлии Дорошкевич

Photo.bymedia.net

Зазеркалье, или Как обеспечить право журналистов на доступ к информации?

Михаил Пастухов, член правления общественного объединения «БАЖ», доктор юридических наук, профессор

Мониторинг общественного объединения «Белорусская ассоциация журналистов» в течение многих лет показывает, что одной из самых острых проблем, с которыми сталкиваются журналисты независимых СМИ, является отказ представителей власти в доступе к информации.

Здесь можно выделить два аспекта: законодательный и практический. Оказывается, что в законах говорится одно, а на практике происходит совсем иное.

Журналист имеет право

В соответствии со ст. 34 Конституции Республики Беларусь всем гражданам **гарантируется** право на получение, хранение и распространение информации, в том числе о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Журналист — тоже гражданин, но особого рода. Если обычные граждане привыкли потреблять информацию, развернув газету, включив телевизор или путешествуя по просторам интернета, то журналист создает информационный продукт — новости, репортажи, интервью…

Но кто задумывается над тем, как журналисту приходится добывать первооснову

своей деятельности? Если для корреспондентов государственных СМИ открыты все «информационные соты» государства и для них практически везде — «зеленая улица», в том числе и в залах судебных заседаний, то совсем другое отношение к сотрудникам «негосударственных» СМИ. Они постоянно сталкиваются с грубостью и хамством, чиновники встречают их, как нежданных гостей, которые якобы хотят выведать «государственные секреты» и рассказать о них общественности.

А как же закон?! Да, новый Закон «О средствах массовой информации», вступивший в силу 8 февраля 2009 г., предоставил журналистам право «собирать, запрашивать и получать информацию из государственных органов, от политических партий, других общественных объединений, иных юридических лиц, а также хранить и распространять информацию, необходимую для осуществления профессиональной деятельности» (п. 2.1 ст. 34).

Это значит, что любой журналист безо всякой дискриминации может запрашивать, требовать, настаивать на получении той или иной информации из государственных органов. В свою очередь, государственные органы и их должностные лица **обязаны** предоставить такую информацию журналистам. В противном случае можно ставить вопрос о привлечении виновных лиц к административной и даже уголовной ответственности.

Согласно части 1 статьи 22.9 Кодекса об административных правонарушениях, нарушение законодательства о средствах массовой информации, выразившееся в незаконном ограничении свободы массовой информации, влечет наложение штрафа в размере от 20 до 50 базовых величин.

Что касается уголовной ответственности, то в соответствии со статьей 198 Уголовного кодекса воспрепятствование в какой бы то ни было форме законной профессиональной деятельности журналиста либо принуждение его к распространению или отказу от распространения информации, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, уничтожением или повреждением имущества, ущемлением прав и законных интересов журналиста, наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок.

Вот как строго урегулирован вопрос о праве журналиста на доступ к информации. К сожалению, только на бумаге. Поэтому бывалые журналисты только посмеются над возможностью применения таких строгих санкций. Они знают, что за отказ в предоставлении информации, даже без объяснения причин, никакой ответственности для государственных служащих в нашей стране не наступает, даже если пожаловаться начальникам этих чиновников.

В европейских государствах законодательство о СМИ более гуманное. Но там за отказ предоставить журналисту информацию чиновник действительно может столкнуться с общественным осуждением или поплатиться должностью.

В Беларуси Закон о СМИ предусматривает для журналистов особую льготу — возможность получить аккредитацию при государственных органах, политических партиях, других общественных объединениях, иных юридических лицах (ст. 35). Казалось бы, какое благо: быть информированным о всех пресс-конференциях, заседаниях, совещаниях, иных мероприятиях, проводимых властными структурами. На практике же получается, что корреспонденты далеко не всех СМИ могут рассчитывать на получение аккредитации.

Дело в том, что в новом Законе о СМИ **журналисты только имеют право на аккредитацию**, а вот дадут ее или нет — вопрос, который решают сами государственные органы и иные субъекты. Хотя, согласно Закону, не допускается необоснованный отказ в аккредитации журналистов СМИ (ч. 2 ст. 35).

Обжаловать необоснованность отказа в порядке подчиненности государственного органа или в судебном порядке проблематично. Например, неоднократные попытки газеты «Народная воля» добиться аккредитации своего корреспондента при парламенте — Национальном собрании Республики Беларусь — успехом не увенчались, несмотря на обращение в судебные инстанции.

Получается, что институт аккредитации применяется избирательно: для одних журналистов — это благо, а для других — непреодолимая преграда. По сути, в нынешнем виде он является одной из форм дискриминации независимой прессы.

Политика «закручивания гаек» в информационной сфере привела к тому, что независимая информация давно стала объектом пристального внимания властей. Если раньше можно было писать почти обо всем, то сейчас — нельзя почти ни о чем. Видимо, неслучайно в Закон «О средствах массовой информации» 2008 г. введен термин «информация ограниченного доступа» (ст. 37). Термин практически всеобъемлющий. Здесь и государственные секреты, и коммерческая тайна, личная и иная охраняемая законом тайна, информация об оперативно-розыскной деятельности, материалы дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства по уголовным делам.

Это только видимая часть информации ограниченного доступа. Но есть и невидимая, скрытая в Законе под словами «иная информация, предусмотренная законодательными актами». Такая трактовка может разростаться каждодневно, в том числе с помощью новых президентских указов. А

их немало. Вспомним указ от 12.04.2004 г. № 186, в котором перечисляются категории сведений, составляющих государственную тайну.

Свое продолжение он получил уже через три года, в указе от 20.04.2007 г. № 195 «О некоторых вопросах обеспечения защиты государственных секретов». В нем определены более 50 государственных органов и организаций, которые по-

Задержание журналистов во время акции участниц украинского движения «Фемен» у здания КГБ. Минск, 19 декабря 2011 г.

лучили «от президента» право засекречивать информацию о своей деятельности. Среди них такие ранее открытые общественному контролю учреждения, как министерства информации, культуры, образования, спорта и туризма, облисполкомы и Мингорисполком.

Еще одним ограничителем информации выступает статья 38 Закона «Информация, распространение которой в средствах массовой информации запрещено». По мнению властей, нельзя распространять информацию от имени организаций, не прошедших в установленном порядке государственную регистрацию или когда-то ликвидированных (хотя распространение такой информации не несет обществу и государству какой-либо угрозы. — *Авт.*).

Нельзя также распространять сведения, пропагандирующие использование и потребление наркотических средств, психотропных, токсических и других одурманивающих веществ в немедицинских целях (т. е. в медицинских целях можно, а в других — нельзя. Где тогда критерий? — *Авт.*). Запрещается распространять информацию, которая направлена на пропаганду войны, насилия, жестокости, экстремистской деятельности или содержащую призывы к такой деятельности (как видим, понятия — очень широкие, под них можно «подогнать» почти любую информацию. — *Авт.*).

Список запрещенной для распространения информации завершается привычной для нынешних субъектов правотворчества формулировкой: «*...а также другой информации, распространение которой запрещено настоящим Законом и иными актами законодательства Республики Беларусь*». Т. е. если потребуется, то список можно расширить, издав соответствующий правовой акт.

С целью повысить «бдительность» и ответственность государственных служащих в отношениях с журналистами в Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» включена статья 22-1. Теперь все заявления для прессы государственные служащие должны согласовывать с руководителем государственного органа или лицом, уполномоченным на то руководством. А еще все государственные органы, в том числе органы внутренних дел, обзавелись пресс-службами или пресс-секретарями, которые строго дозируют информацию, предназначенную для общественного пользования.

Отгородились чиновники от журналистов негосударственных СМИ каменной стеной. За ней течет «своя» жизнь, о которой общество, как они считают, ничего не должно знать. Если же происходит какое-либо событие в деятельности государственных органов, например, громкий судебный процесс, то и здесь все должно быть под контролем: никаких «крамольных» киносъемок, никаких интервью с участниками процесса, никакой критики в адрес прокуроров и судей, а приговор следует воспринимать как свершившийся акт, не подлежащий обсуждению.

Понятно, что такое положение дел не может удовлетворять журналистов независимых масс-медиа. Мало того, что они вынуждены работать в крайне неблагоприятных условиях, при чрезмерном ограничении своих законных прав, так еще у них нет возможности противостоять произволу со стороны государственных служащих и работников правоохранительных органов.

Это зазеркалье, где скрываются чванство, профессиональная несостоятельность и чувство безнаказанности чиновников.

Как изменить ситуацию к лучшему?

Конечно, при действующей власти рассчитывать на либерализацию не приходится. Тем не менее надо работать, иначе демократическим журналистам еще долго не видать «светлых дней».

Еще в 1999 г., когда должен был закончиться первый срок президентских полномочий и проведены новые выборы, юристы общественного объединения «БАЖ» подготовили проект Концепции реформирования законодательства о средствах массовой информации, которая должна была стать фундаментом для создания демократического законодательства в сфере СМИ.

В качестве первого шага преобразований предлагается упразднение государственной монополии на телевидение и радио, издательско-полиграфические мощности и систему распространения печатной продукции (Белпочта, Белсоюзпечать).

В проекте Концепции содержится много новаций. В частности, предлагается на базе Белтелерадиокомпании создать Общественное телевидение и радиовещание во главе с Наблюдательным советом, упразднить все государственные СМИ, провести акционирование (приватизацию) всех государственных предприятий, обеспечивающих деятельность СМИ и их распространение.

В новых условиях вместо весьма консервативного закона «О средствах массовой информации» можно принять ряд конкретных законов: «О печати», «О телевидении и радиовещании», «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания».

Пока же целесообразно заняться лоббированием закона «О праве граждан на доступ к информации». Проект этого закона подготовлен группой юристов еще в 2001 г. и прошел обсуждение на уровне международных экспертов.

В законопроекте определяются виды информации, доступ к которым не должен ограничиваться и к которым может быть лимитирован. К примеру, не должен ограничиваться доступ общества к информации о чрезвычайных ситуациях, катастрофах, стихийных бедствиях; к экологической, демографической, санитарно-эпидемиологической и другой информации, необходимой для обеспечения безопасности граждан, населенных пунктов, производственных и иных объектов; о размерах золотого запаса и государственных валютных резервах Республики Беларусь; о привилегиях, компенсациях и льготах, предоставляемых гражданам, должностным лицам и организациям; о состоянии здоровья высших должностных лиц Республики Беларусь; о фактах нарушения прав и свобод граждан, а также прав юридических лиц; о правовом статусе и деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления; об использовании бюджетных средств; о состоянии экономики и потребностях населения; о состоянии борьбы с преступностью.

В другой список включена информация о государственных секретах; о коммерческой или иной охраняемой законом тайне; о частной жизни других лиц, если иное не предусмотрено законом; о формах, методах и результатах оперативно-розыскной деятельности; о материалах дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства до завершения производства по уголовному делу. И никаких отсылок к «иным актам законодательства».

В соответствии с законопроектом каждый может обратиться с запросом на получение информации в органы государственной власти, органы местного самоуправления или к

На «молчаливой» акции протеста на Октябрьской площади задерживают фотографа Тимофея Скибенко. Минск, 20 июля 2011 г.

должностному лицу, которые владеют необходимой информацией.

И самое важное состоит в том, что на любой запрос должен быть дан ответ, причем не позднее чем через 10 дней, а если запрос касается информации, не требующей подготовки, то ответ должен быть дан безотлагательно (!).

Если государственный орган, получивший запрос, не владеет запрашиваемой информацией, он обязан сообщить об этом заинтересованному лицу, а также, по возможности, предоставить ему наименование и адрес органа, организации или лица, которые могут располагать необходимыми сведениями, либо указать наименование организации, в которую направлен запрос.

Отказать в предоставлении информации государственный орган, организация, их должностные лица могут только в том случае, если доступ к информации ограничен на основании закона или если не соблюдены требования, предъявляемые к запросу. При этом должны быть указаны причины, по которым запрос не может быть удовлетворен, а также разъяснен порядок обжалования отказа.

Предлагаемый законопроект небольшой по объему (всего 11 статей), простой по содержанию. Но главное то, что он реально может обеспечить право гражданина на доступ к информации, вплоть до судебного обжалования. Если этот закон будет принят, то это станет надежной гарантией в руках каждого гражданина и в особенности журналистов. Государственные органы и их должностные лица вынуждены будут «отбиваться» от настырных граждан (журналистов), работать открыто или, в противном случае, давать объяснения в судах.

У скептиков может возникнуть вопрос: «Неужели возможно принятие такого закона?» В данной ситуации — невозможно. Но все-таки нужно пробовать, настаивать.

Так должно быть! И так будет!

«Мы вновь подтверждаем значение независимых средств массовой информации и свободных потоков информации, а также доступа общественности к информации. Мы берем на себя обязательство предпринять все необходимые меры по созданию необходимой основы для функционирования свободных и независимых средств массовой информации и беспрепятственного трансграничного и внутригосударственного потоков информации, которые мы считаем важнейшим компонентом любого демократического, свободного и открытого общества».

Такие слова записаны в Хартии европейской безопасности, принятой на саммите глав государств — членов ОБСЕ в Стамбуле в 1999 г., под которой поставил свою подпись и глава белорусского государства А. Г. Лукашенко.

Безусловно, договоры должны выполняться. И если глава государства осознанно и ответственно ставил подпись под стамбульскими документами, то пора бы взятые на себя обязательства исполнить и, как сказано в документе, «*предпринять все необходимые меры по созданию необходимой основы для функционирования свободных и независимых средств массовой информации и беспрепятственного трансграничного и внутригосударственного потоков информации*».

В противном случае надо обращаться к представителю ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации и сообщать о невыполнении белорусскими властями международных обязательств. В соответствии со своим мандатом, утвержденным решением Постоянного совета ОБСЕ № 193 от 5 ноября 1997 г., представитель должен *«заниматься рассмотрением серьезных проблем, связанных с созданием помех для работы средств массовой информации и неблагоприятных условий для деятельности журналистов»*.

На основании полученных сигналов представитель ОБСЕ по вопросам средств массовой информации должен устанавливать в надлежащем порядке контакт с представителями соответствующего государства и с другими заинтересованными сторонами, производить анализ фактов, оказывать государству-участнику содействие в решении проблемы. Более того, он должен систематически информировать действующего председателя о своей деятельности и докладывать Постоянному совету о достигнутых результатах, своих замечаниях и рекомендациях.

В этой связи предлагаю обратиться с письмом к представителю ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации Дуне Миятович и предложить принять меры для улучшения ситуации.

Для привлечения внимания общественности других стран к положению негосударственных СМИ в Беларуси предлагаю также организовать международный конгресс журналистов с приглашением представителей журналистских организаций европейских стран и официальных лиц от ОБСЕ и Беларуси. На этом форуме следует обсудить ситуацию со СМИ в Беларуси и заложить основу для диалога с белорусскими властями под эгидой представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ.

Первоочередной мерой по улучшению ситуации может стать принятие проектов законов «О праве граждан на доступ к информации» и «О свободе средств массовой информации».

Второй из законопроектов подготовлен юристами общественного объединения «БАЖ». Он состоит из 18 статей и содержит основные гарантии деятельности свободных и плюралистических

Представители БАЖ передают министру внутренних дел Анатолию Кулешову обращение в связи с неправомерными действиями сотрудников милиции по отношению к представителям СМИ во время акции протеста, состоявшейся после выборов Президента Республики Беларусь. Минск, 26 января 2011 г.

СМИ, в том числе обеспечивает самостоятельность редакций и журналистов, защиту прав журналистов, устанавливает ответственность должностных лиц за воспрепятствование в какой-либо форме законной деятельности СМИ, а также за любое нарушение прав журналистов. В законопроекте гарантируется свобода деятельности зарубежных СМИ.

Опять же встает вопрос, захотят ли власти садиться за стол переговоров с журналистами и принимать демократические законопроекты. Маловероятно. Но у журналистов и поддерживающих их граждан имеется конституционное право начать сбор подписей за принятие этих законопроектов.

В соответствии с Законом от 26 ноября 2003 г. №248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» (в редакции Закона от 15 июля 2008 г. № 410-З) инициативная группа в количестве не менее 100 человек может предложить на рассмотрение нижней палаты парламента законопроект, если в его поддержку будет собрано в установленном порядке не менее 50 тысяч подписей граждан, обладающих избирательным правом.

Что мешает республиканскому общественному объединению «Белорусская ассоциация журналистов» начать кампанию по сбору подписей в поддержку вышеназванных законопроектов? Каких-либо формальных препятствий для этого не имеется. Принятие указанных законов отвечает уставных целям объединения, одной из которых является *«создание условий для обеспечения свободы слова и печати, беспрепятственного получения, хранения и распространения информации»* (п. 2.1.1 Устава).

Легальными плацдармами в проведении агитации за законопроекты могут стать редакции негосударственных СМИ и региональные структуры БАЖ. Через них можно будет проводить общественное обсуждение предлагаемых законопроектов и осуществлять сбор подписей в поддержку законодательной инициативы.

На мой взгляд, такая кампания могла бы получить широкий общественный резонанс и объединить десятки тысяч людей, неравнодушных к судьбе негосударственной прессы.

Это как раз та ситуация, когда «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». От притеснений и ограничений деятельности журналистов негосударственных СМИ надо активно и коллегиально защищаться. Необходимо говорить об имеющихся проблемах громко, на весь мир. Кампания за принятие новых демократических законов о СМИ позволит высветить многие негативные моменты, которые властями скрываются и замалчиваются.

ЗОНА:

Виктория РАВИНСКАЯ

лучше знать, чем быть «счастливым от неведения»

Работать в чернобыльской зоне сложно. И психологически, и физически. Но бажевцы много лет подряд навещают отселенные после катастрофы на ЧАЭС (1986 г.) районы и рассказывают о людях, которые вынуждены здесь жить и работать. В минувшем году пресс-тур для нас организовывало Посольство Украины. Белорусские журналисты проехали по украинской зоне обязательного отселения и загрязненным радионуклидами землям Беларуси.

«Беражыце родны край!»

Выезд из Минска на микроавтобусе Посольства Украины пришелся на Радуницу. Это обстоятельство мы потом не раз вспоминали, когда простаивали в пробках возле кладбищ, в том числе и на территориях, прилегающих к тридцатикилометровой зоне отселения. Из-за пробок до Брагина добирались почти пять часов, оттуда намеревались ехать в отселенную деревню Савичи. В Брагине я уже во второй раз. Первый — почти десять лет назад, в октябре 2001 г. Организатором того пресс-тура был Володя Вербовиков из Гомеля, которого уже нет с нами. Теперь, побывав в зоне, так сказать, организованно, под присмотром специалистов, понимаю, как же мы рисковали, лазая вдоль и поперек по территориям отселения. Ведь не думали тогда об опасности, предлагая охранникам на КПП две бутылки водки, чтоб пропустили нас в 30-километровую зону. А потом, миновав «границу», устремлялись все глубже в леса, выискивая самоселов. Кстати, везде находили

деревни с немногочисленными жителями. Одно у них тогда было объяснение своего проживания на загрязненных землях: «Президент сказал, что жить здесь можно, разрешил возвращаться». Он тогда и впрямь начал об этом говорить. И продолжает до сих пор.

Так вот, Брагин за десять лет почти не изменился. По крайней мере центр: то же ухоженное здание исполкома, тот же памятник отселенным деревням, тот же стадион, куда в 2001-м приземлялся президентский вертолет... Вот только наглядной агитации добавилось. Громадные щиты «Беражыце родны край!», «Разам за квітнеючы край!», «За процветающую Беларусь!» и прочие «за».

«Льготы отменили, значит, радиации нет»

В деревне Савичи в этот день было многолюдно. Поклониться могилам родных приехали из разных уголков страны — жизнь разбросала... Деревню эту переселяли уже во вторую «волну». Сначала же сюда отселяли жителей деревень, находившихся в непосредственной близости от ЧАЭС. Тогда в Савичах располагался совхоз-миллионер «Савичский», многочисленные фермы которого уже почти развалились.

На улице Ленина, которая упирается в местное кладбище, разговорились с местной семьей. Муж Александр Аноприенко (возраст говорить постеснялся, но по виду лет около сорока), молоденькая жена Ирина Полевая и две дочурки: девятилетняя Нина и шестилетняя Оксана. Жизнью своей они весьма довольны.

— Здесь так тихо, так спокойно, — рассказывала Ирина. — В шестнадцати домах только люди живут. Человека 32–34. Магазин есть, автолавка приезжает... За детьми (их только двое в деревне — наши девочки) автобус приезжает. Отвозит за двадцать километров в Хракович, там школа и детсад. Я уже и не могу в заселенных деревнях находиться — шумно там, суетятся все... Нам здесь хорошо.

Александр работает в конторе Полесского радиологического заповедника, которая расположена здесь же, в Савичах. Ирина — почтальон, разносит почту по Савичам и соседней деревне Двор. «Закрывают почтовое отделение, без работы останусь», — почему-то без сожаления говорит Ирина.

В этот день в гости к ним приехала двоюродная сестра Александра с семьей. Она до аварии жила в деревне Пересетинец, которая гораздо ближе к ЧАЭС. «У нас в деревне женщина была, в Припяти сторожем работала, — рассказывала гостья. — Так шла с работы, увидела зарево на станции. Еще нам рассказывала, говорит: "Может, случилось что..." А в четыре утра нас уже подняли, сказали, авария на станции, собирайтесь, на две недели съехать надо. Пригнали машины, загрузили скот, пожитки и — кого куда... Я вот здесь сначала жила, в Савичах, у родителей Александра. На ферме работала. А потом и отсюда выселили...»

Спрашиваю у Александра и Ирины, как на здоровье сказывается житье в отселенной зоне. «Пока ничего, а как дальше — бог его знает... Так ведь льготы же отменили, значит, радиации нет», — с сарказмом произнес Александр.

На всей длиннющей улице Ленина (километра два тянется, если не больше) заселено меньше десятка хат. Метрах в пятидесяти от дома наших новых знакомых покуривал на скамеечке Николай Никитин. «Живу один, инвалид я, — рассказал Николай. — Было дело, с четвертого этажа спрыгнул... Теперь проблемы сильные с позвоночником, ногами... Да вот все же потихоньку бульбу посадил, огород тоже. Только растить, видно, некому будет — на очередную операцию в Брагин ложусь... Жену бывшую попрошу, она здесь, в Савичах живет».

Спросили: «Может, социальные службы помощь Вам оказывают?» «Да у меня паспорт утерян, даже пособие получать не могу. На что живу? Браты трохи помогают, они в Буда-Кошелево». Пожелали Николаю на прощанье, чтоб операция удачно прошла. «Ваши слова да Богу в уши!» — заулыбался робко, сигарет попросил. На том и расстались.

«Чтобы было обидно всем!»

Познакомились с Екатериной Марковной Чечко, которая живет в Савичах со своими двумя сыновьями. Как раз в этот день к ней из Киева

приехал третий сын, ликвидатор второй категории Валерий Владимирович Чечко. Очень удивился, когда узнал от нас, что в Беларуси отменили льготы ликвидаторам. А потом заявил неожиданно: «Может, так и надо! Правильно Лукашенко сделал! Вот я от "Укрэнергобуда" и до аварии работал в Припяти, и во время ликвидации, и теперь. Жил до 1986 г. в Припяти. Потом мне в Киеве квартиру дали. Так у меня сейчас льготы: доплата к пенсии (я вообще-то в 47 лет на пенсию ушел по состоянию здоровья, но еще пока работаю), бесплатный проезд в общественном транспорте, половину только плачу за "коммуналку", там еще медпомощь бесплатная… Так я 27 лет отработал уже в зоне. А есть такие, что только два дня на ликвидации были, а льготы те же! Обидно мне! Так уж лучше, как у вас, чтоб никому льгот не было». «Это, чтобы было обидно всем?» — удивились мы такому неожиданному мнению. «Да, так справедливей!»

Екатерина Марковна с такой точкой зрения не согласна: «Раньше хоть "гробовые" (это такая денежная доплата была у всех, кто в зоне отселения жил. — *В. Р.*), а теперь — "голая" пенсия! Сыновьям работы здесь нормальной не найти, перебиваемся с копейки на копейку».

Страшное слово «Чернобыль»

Это слово теперь и в самом деле ассоциируется с мировой катастрофой, черным радиоактивным облаком, натворившим столько бед. А сам город по прошествии 25 лет с того рокового 26 апреля выглядит вполне мирно и спокойно. Правда, бросается в глаза пустынность улиц. Но вот замечаю — сушится на балконах белье, занавески на окнах… Жилые пятиэтажки — все сплошь общежития, где живет чернобыльский персонал.

Всего в городе Чернобыль одновременно находятся 3,5 тысячи работников, еще столько же трудится непосредственно на АЭС. У всех вахтовый метод: неделю через неделю.

Самоселов в городе 110 человек, еще около сотни — в зоне отселения. Каждый писал заявление с просьбой позволить жить там, где прошла «доаварийная» жизнь. Чаще всего это люди преклонного возраста, для которых перемена мест опаснее для здоровья, нежели сама радиация. Людям работоспособного возраста в зоне отчуждения постоянно жить запрещено. Детей здесь нет вообще.

В Украине зона отчуждения строго контролируется. Опасность состоит даже не в том, что радиационный фон здесь повышен в разы (в самом Чернобыле, к примеру, в два раза). «Страшна пыль, содержащая радионуклиды, — рассказывал нам первый заместитель председателя Государственного агентства Украины по управлению зоной отчуждения Дмитрий Бобро. — Разносить такую пыль, значит, приносить в собственные дома смертельную опасность».

Впрочем, понимают это не все. Находятся «сталкеры», которых тянет в зону глупая романтика или жажда наживы. Человек пять-десять каждую неделю служба охраны вылавливает в чернобыльских лесах. Как рассказали сотрудники охраны, нарушителей можно разделить на три категории. Первая — дети тех, кто жил здесь до отселения. «Здесь ведь до аварии благодатный край был! Такие щедрые на грибы-ягоды леса еще поискать надо. Почти в каждой деревне свой перерабатывающий заводик был. Теперь, ясное дело, ничего в этих лесах собирать нельзя: превышение допустимой концентрации радионуклидов в 30

раз, а в чернике — и во все сто. А вот идут люди… Генетическая память их, что ли, понуждает?..»

Вторая категория — мародерствующие личности, норовящие перетянуть из зоны металл, вообще, все, что можно потом продать. И знают ведь, что радиацию на чистые территории приволокут. Но желание обогатиться сильнее здравого смысла. Не редкость — браконьеры.

Наконец, самая нелюбимая охранниками категория — «сталкеры». «Не забудьте слово обязательно закавычить! — просили нас сотрудники охраны. — Мы этих людей безбашенными считаем. Они в зону лезут, чтоб острых ощущений нахвататься, а потом в интернете бахвалиться: мол, ночевал в палатке, муравьиными личинками питался… Им в кайф, что их поймали, что штраф дали (штраф за несанкционированное проникновение в зону составляет 1300 гривен — около 160 долларов). Еще и приврут про наручники и избиения. Такие, вишь, герои! А того не понимают, что, если не попались охране, домой радионуклиды принесут. Это ж угроза какая для близких… Нахождение такого "сталкера" в зоне опасно для его жизни не только из-за радиации. Дикие звери расплодились во множестве, в конце концов, на браконьеров можно нарваться».

Но есть в чернобыльской зоне и официальные посетители. Таких в год набирается более восьми тысяч. Это не просто любопытствующие туристы, а научные работники или люди, приехавшие с просветительскими целями. «Откуда только не едут! В прошлом году из 67 стран мира приезжали, даже из Ганы и Австралии». Экскурсии им устраивает специально созданное для этих целей государственное предприятие «Чернобыльинтеринформ». Конечно, не даром. Кстати, наш пресс-тур — один из нескольких маршрутов, предлагаемых посетителям именно этим предприятием.

На ЧАЭС кипит работа

После посещения Чернобыля мы отправились на саму Чернобыльскую АЭС. Радиационный фон здесь сейчас сравним с получаемым при обычной флюорографии. Местная достопримечательность, которую демонстрируют всем посетителям, — отводной канал, в котором множество больших карасей и сомов, неспешных и громоздких, как бревна. Ловить их, естественно, запрещено. Вот и живут преспокойно, жир нагуливают.

На территории станции есть монумент, посвященный людям, погибшим в первый месяц после катастрофы. Каждое имя выбито на отдельной черной плите. Есть и имя Валерия Ходемчука, работника станции, который погиб под завалом. Реактор стал ему могилой…

Четвертый реактор, тот самый, где произошла катастрофа, сейчас укрыт бетонным саркофагом. Со временем в бетоне начали образовываться микротрещины, и назрела необходимость строительства нового объекта «Укрытие». Сейчас уже начались работы по возведению конфайнмента — арочной конструкции из нержавеющей стали, которая полностью накроет четвертый реактор.

Стоимость проекта очень велика — 900 миллионов евро. Понятно, что одной Украине такие затраты не потянуть. Сначала тридцать стран мира выделили средства на строительство объекта «Укрытие». На состоявшейся 19 апреля 2011 г. конференции к этим государствам присоединились еще четыре.

В музее на станции вывешены флаги всех государств, выделивших средства на строительство конфайнмента. Белорусского флага там нет. Мы денег на это, хотя бы символических, не выделяем, хотя угроза просачивания радиации для белорусов более актуальна, нежели для граждан США или далекого Кувейта. Нет средств? Простите за банальность, но на громкие «общенародные» гуляния и «базары», ежегодные журналистские «десанты» из России и экскурсии по «стабильной и процветающей», на содержание огромной армии идеологов находятся?..

Сейчас ситуация на четвертом блоке ЧАЭС под контролем. Исследовано 80 процентов помещений, расположенных под саркофагом. Там установлены специальные датчики, которые в случае малейшего увеличения плотности потока нейтронов включают систему нейтронопоглощения. А возведение новой защитной конструкции, срок эксплуатации которой составляет сто лет, и вовсе позволит свести излучение реактора к минимуму.

Город-призрак

Как раз накануне пресс-тура смотрела телепередачу о Припяти. Жуткое зрелище. Не думала, что побываю там и увижу все сама.

До аварии здесь жило около 48 тысяч человек. Одномоментно всех эвакуировали. Вернуться домой этим людям было не суждено. Хотя до 26 апреля 1986 г. территории вокруг Чернобыля были самыми динамично развивающимися в Украине. Надо полагать, работа на станции и вблизи нее была довольно высокооплачиваемой. Люди стремились сюда. И вдруг все пошло прахом...

...Тишина здесь такая, что слышно, как от ветра скрипят двери в квартирах заброшенных многоэтажек. Широкие когда-то улицы заросли кустарниками и деревьями. Ели и сосны растут прямо из асфальта. Город, который стал теперь местом паломничества всяческих «сталкеров». Пластиковые бутылки из-под пива, стеклянный новогодний шарик на сосне в «центре» города, черные силуэты каких-то монстров, нарисованные на стенах бывшего Дворца культуры. Все это — свидетельства популярности Припяти у искателей острых ощущений. А ведь здесь, как рассказывали нам специалисты, находиться долго опасно — излучение в десятки раз больше, чем в Чернобыле. Нельзя здесь принимать пищу, пить, курить, дотрагиваться до предметов, строений и растений тоже не рекомендуется. Каждая пылинка — опасна для жизни.

Но продолжают «сталкеры» тянуться в Припять. С белорусской стороны, кстати, тоже находятся искатели приключений. Разносят потом припятскую пыль по городам и весям. Кто сможет их уговорить не делать этого?

Чернобыльская Радуница — 9 мая

До этой поездки я считала, что разрешение белорусских властей посещать могилы родственников в зоне отселения — акт гуманизма. Теперь очень в этом сомневаюсь. И объясню, почему.

«Любая хозяйственная деятельность в зоне отчуждения опасна, — рассказывал Дмитрий Бобро. — Опять-таки из-за радиоактивной пыли. Есть два направления по выходу из сложившейся ситуации. Первый — осваивать земли, проводить там специальные мероприятия, направленные на то, чтобы с помощью спецсредств стабилизировать уровень радионуклидов в почве. Но в Украине пошли другим путем. У нас не разрешается “поднимать пыль” в зоне отчуждения. Сейчас рассматривается вопрос о том, чтобы на “зараженных” территориях высаживать тот же рапс, сжигать его в специальных установках, получая при этом теплоэнергию. А утилизировать потом только фильтры из этих установок. Земли, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, нельзя будет заселять без риска для людей еще лет тридцать. Вам понятна позиция Украины? Не дать радионуклидам распространяться на другие территории».

У нас, как пришлось убедиться, распространение радионуклидов заботит жителей и власть в гораздо меньшей степени. Приезд в радиоактивную зону на Радуницу трактуется как нечто нормальное и даже как некий долг перед мертвыми. При этом о небезопасной пыли, которая привозится оттуда на одежде и обуви, слышать из официальных источников почти не приходится. Государство у нас гуманное, чтит родственные чувства граждан... Не акцентируя внимания на возможной опасности.

«Как сложилось, не знаем, но пострадавшие от Чернобыльской катастрофы — ликвидаторы, их родственники, переселенцы, а также просто неравнодушные к происшедшему люди — собираются в Чернобыле 9 мая, — рассказали нам в службе охраны агентства по управлению зоной отчуждения. — Мы готовимся к большому наплыву посетителей целый год. Видимо, в нынешнем году посетителей будет меньше: многие приезжали 26 апреля. Тогда ведь здесь три президента — украинский Янукович, российский Медведев и французский Саркози — даже камень нового монумента заложили».

Склонить голову скорбящим в Чернобыле есть где. Здесь разбит сквер, в котором вместо деревьев — кресты с названиями деревень, оставленных людьми из-за аварии. И не надо брать на себя радиоактивную пыль и разносить по стране. На выезде из Чернобыля стоят посты дезактивации — если уровень выезжающего превышен, «отмоют», чтобы дальше зоны пыль не разносилась. У нас, как известно, такого нет…

В сквере установлен мемориальный комплекс «Звезда Полынь» — составленный из черных арматурных прутьев Ангел с трубой, который и «возвещает» о приходе Звезды Полынь, превратившей воды в яд и принесшей столько горя… Чернобыльский сквер этой весной пополнился еще одной скульптурой — памятником Фукусиме. Есть теперь на планете у Чернобыля побратим по несчастью.

В Чернобыле стоит церковь, куда со всей украинской зоны отселения свезли иконы. Каждый верующий отселенец может здесь помолиться святому лику из своего деревенского храма. В общем, сделано все, чтобы обезопасить посетителей территории отселения. И как-то не боятся радиофобии и паники, о которых у нас трубят как о гораздо большем зле, нежели радиация. Видимо, если разъяснять гражданам реальную степень опасности, панических настроений не возникает.

Строить или отказаться?

Недавно белорусы стояли перед выбором: строить атомную электростанцию на своей территории или все же отказаться от дорогостоящего проекта, учитывая еще и его небезопасность. Впрочем, какой уж тут выбор! Президент уже все решил, как обычно, не особенно прислушиваясь к чьему бы то ни было мнению…

«Да какая АЭС! — восклицал наш новый знакомый, украинский ликвидатор Валерий Чечко. — Мало белорусам Чернобыля?» А его мать Екатерина Марковна, гражданка Беларуси, жительница отселенных Савичей на это только вздыхала: «А кто у нас спрашивать будет? Сделают, как захотят! Когда ж они с народом советовались?»

Против такого довода и впрямь не возразишь. Обсуждения, в котором мог бы принять участие каждый неравнодушный гражданин страны, пока незамечено. Официальные лица стоят на своем: белорусская АЭС будет чуть ли не самой безопасной из существующих. «В идеале атомная станция должна иметь максимальную степень внутренней самозащищенности, — объяснял первый заместитель председателя Государственного агентства Украины по управлению зоной отчуждения Дмитрий Бобро. — Чтобы все возможные риски были минимизированы. Пока ни одна станция в мире в полной мере не отвечает этому требованию… И все же за атомной энергетикой будущее. Не стоит забывать, что атомная энергия остается самой дешевой. При этом радиоактивное излучение от тепловых станций — больше, чем от атомных. Да и экологичнее они».

Да, наверное, экологичнее, пока «гром не грянет». А если грянет, про экологичность и дешевизну энергии придется забыть, как в случае Чернобыльской катастрофы или аварии на Фукусиме. Если есть малейшая угроза повторения подобного, со счетов ее сбрасывать нельзя. Германия вообще решила отказаться от производства атомной энергии, но для этого необходимо иметь высокий уровень развития экономики.

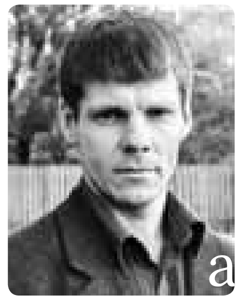
И хотелось бы видеть в СМИ доскональные разъяснения специалистов… Вот когда

приходится вспоминать, что палка всегда о двух концах. Изничтожение независимых СМИ, полное подчинение государственных медиа идеологическим установкам теперь могут больно ударить по властям предержащим. Ведь за 17 лет многие белорусы настолько привыкли не верить тому, что говорят официальные ТВ, радио и газеты, что, пусть там тысячу раз правду напишут, люди все равно будут воспринимать «новости» как очередную попытку «промывки мозгов». Теперь убедить кого-то в чем-то при помощи «агитпропа» почти не реально. Как говорится, за что боролись...

После аварии на Фукусиме Европа сотрясается от массовых акций с требованием закрыть уже имеющиеся АЭС. Так происходит в Германии, где под давлением населения закрытие атомных станций может стать реальностью к 2020 г. А вот во Франции граждане склонны доверять атомщикам. Правда, там информацию о радиоактивном фоне не принято скрывать. Потому, видимо, и страха у людей меньше: уверены, что правительство, в случае чего, не утаит опасность. У нас же люди и до сих пор помнят, как через несколько дней после Чернобыльской катастрофы их вывели на первомайскую демонстрацию.

Значит, надо, чтобы у нас в стране снова возродились независимые средства массовой информации, а немногочисленные выжившие перестали быть постоянным объектом для придирок властей. И сообщали бы эти не подчинявшиеся и не подчиняющиеся идеологическому прессу СМИ правдивую, объективную информацию, в том числе и о будущей белорусской АЭС. Но это из области мечтаний. Чтобы так случилось, нужна демократическая реконструкция всей государственной системы. Ох, погодить бы со станцией до этих времен...

Фото Сергея Балая



Сяргей ШАПРАН

Рыгор Барадулін: «Раней у мяне былі Бог, мама і Быкаў. Цяпер застаўся толькі Бог»

Да выхаду рыхтуецца кніга журналіста лаўрэата прэміі імя Алеся Адамовіча Сяргея Шапрана «Тры мяхі дзядзькі Рыгора, альбо Сам-насам з Барадуліным». У выданне, паводле выдаўца І. Логвінава, увайшлі гутаркі з народным паэтам Беларусі Рыгорам Барадуліным: як даўнія, так і сённяшнія, зробленыя адмыслова для «Трох мяхоў…».

Асобныя фрагменты гэтых сустрэч «Абажур» і прапануе чытачу.

— У кнізе рускага пісьменніка і крытыка Уладзіміра Огнева «Час і мы. З дзённікаў розных гадоў» ёсць такія радкі: «Самое страшное в старости — когда не стареешь. Живу, как тот мальчик у Брэдбери, — без возраста, во времени где-то остановившегося возраста...» Гэта сугучна выказванню класіка англійскай літаратуры Оскара Уайльда: «Страшна не тое, што чалавек старэе, а што душой застаецца малады». Дый Вы самі, дзядзька Рыгор, некалі напісалі: «...душа маладая, // Ты, як вецер, стары...»

— Фізічная старасць сапраўды страшная, але самае галоўнае, каб душа заставалася маладой — чалавек датуль жыве, пакуль яго душа маладая, а ўжо калі старэе і душа, тады ніякае цела не ўратуе. Менавіта душа трымае чалавека на зямлі. Калі ж яна, састарэўшы, адыходзіць, тады і чалавек адыходзіць следам за ёй.

— Але колькі гадоў Вашай душы?

— Ну гэта як калі: часам гадоў трыццаць пяць, часам — пяцьдзясят. Але не болей. Вось калі табе

добра, тады і нешта пішацца, і вяртаешся ў ранейшыя гады, а як дрэнна, дык адразу адчуваеш, што ўжо стары. Так што гэта ўсё перманентна.

— Такім чынам, на працягу толькі аднаго дня Вы можаце быць і маладым, і старым?

— Так. Бывае, што прачынаешся і думаеш: хачу на Бутаўшчыну, да мамы. А на другі дзень думаеш: не, яшчэ рана. Ды і нельга збірацца... Калі ж усё-такі сабраўся паміраць... усё як Бог дасць.

— Хочаце сказаць, што можна наклікаць свой заўчасны зыход?

— Так, можна наклікаць.

— Калі ва Ушачах пасля шматгадовага вымушанага маўчання адчыніўся касцёл Св. Лаўрэна, Вы сказалі, што тут Вас і будуць адпяваць. Вы ўсё-такі думаеце пра гэта?

— Увесь час думаю і хачу, каб мяне пахавалі каля мамы. Я штодзённа прыгадваю кожную сцежку, памятаю яшчэ паўнаводнай нашую рэчку і тыя месцы, якіх даўно ўжо няма. У памяці ўвесь час усплываюць твары і галасы, якія бачыў і чуў у маленстве. І чым далей — тым больш.

— А навошта жыць, калі вакол столькі праблем і так мала святла?

— У імя чаго жыць? Ну ўжо само жыццё — гэта падарунак. І з гадамі разумееш, што жыццё было такім заўсёды, проста раней з прычыны ўзросту ты так яго не ўспрымаў. А жыць трэба дзеля таго, каб нешта пакінуць пасля сябе. Я жыву ў імя ўсяго беларускага, жыву дзеля служэння беларускаму слову. Я прыняў гэтае беларускае слова па крыві, ад мамы, па генетычным кодзе і рыхтаваў сябе да гэтага служэння з маладых гадоў. Гавару гэта без высакамоўнасці: я рыхтаваў сябе не дзеля служэння беларускай паэзіі — для служэння беларускаму слову.

— А ўвогуле, ці шмат чалавеку трэба? Можаце прыгадаць, чаго хацелі паўстагоддзя таму і чаго жадаеце сёння?

— Чалавеку, як цяпер разумею, трэба абсалютна мала: душэўны спакой і раўнавага. Больш нічога. Проста каб было нешта перакусіць дый страха і спакойнае неба над галавой, спакойнае — як космас, як жыццё.

У маленстве, калі было зусім гола, хацелася нейкія чаравікі і каб яны не цяклі, каб штаны былі не падраныя, каб кашуля цэлая была. Пасля быў нейкі час, калі нешта ўжо куплялася, але цяпер разумееш, што ўсяго таго, што было накуплена, усё адно не зносіш. Праўда, калі куплялася, думалася, што будзе для сына, але сына ў мяне няма. Ведаеце, як у нармальных сем'ях — ад бацькі да сына пераходзіць... Калі ж жыў на прыватнай кватэры, хацелася, каб была свая, а цяпер паглядзіш — кватэра хоць і свая, але абшарпаная, усё даношанае, і разумееш... Мне нічога гэтага не трэба, аднак па інерцыі, як гаспадару ў вузкім значэнні слова (таму што кожны чалавек — гаспадар), хацелася б рамонт нейкі зрабіць... З гадамі разумееш, што ўсе даброты часовыя, усё гэтае багацце не забярэш з сабой туды. І хоць некаторыя ўзурпатары, імператары імкнуліся стварыць імперыю амаль не на ўвесь зямны шар, аднак усё адно больш чым паўтара метра ніхто ўрэшце рэшт не атрымліваў...

А ўвогуле, паўтаруся, зараз хочацца толькі спакою душэўнага, каб раніцай устаў і ніякіх у цябе не было клопатаў. Я ж ратуюся толькі словам, словам-радком. Хоць такое ўражанне, што нікому гэта не патрэбна, для некага гэта чыста элітарнае... Я ўжо перахварэў гэтай хваробай, калі хацелася, каб тваё прозвішча было на вокладках кніжак. Апошні час проста хочацца пабыць з самім сабою, таму і пішаш практычна для сябе. Гэта больш адказна і больш спакойна, бо не мітусішся — друкавацца ж практычна няма дзе, але мяне гэта не надта турбуе... Некалі ў Васіля Віткі былі радкі пра тое, што ён напісаў верш пра жаваранка і вось нясе яго ў рэдакцыю, і ўзнікае пытанне: «А што, калі не надрукуюць?» — «Ат, жаваранка і так пачуюць». Так і я цяпер пішу і жыву з такім настроем. Можа, некалі выйдзе, а не выйдзе — дык не выйдзе. У нас жа столькі не выдадзена класікі нашай!.. Апошні час прачынаешся і парой жыць не хочацца, як падумаеш, што тое, што ўсё жыццё рабіў, быццам нікому не трэба. А пасля расходзішся... Канечне, самагубствам я не збіраюся канчаць.

— Аднак не назавеш жа элітарнай тую публіку, якая прыходзіць на прэзентацыі Вашых кніг. А колькі чалавек пажадала дапамагчы Вам, калі восенню 2008 года Глеб Лабадзенка абвясціў праз інтэрнэт, што Рыгору Барадуліну патрэбная дапамога, — адгукнулася больш за паўтысячы беларусаў, прычым не толькі з Беларусі, але і тых, што жывуць па-за яе межамі...

— З аднаго боку, гэта троху маладзіць душу, радуе, што ты не зусім яшчэ... Вось калі раніцай прачнешся і галава не баліць, дык па інерцыі яшчэ нечага хочацца, але калі пачынаюцца клопаты і галаўны боль, дык думаеш: «Навошта? Каму гэта трэба?..» І што яшчэ трымае, дык тое, што я яшчэ, можа, патрэбны беларускасці і ўнучцы. Вось гэтыя два фактары. І яшчэ трымае, што ёсць усё-такі беларуская моладзь, якую цікавіць беларуская паэзія, беларуская справа, наогул беларускасць... А так я вось прыйшоў да такой высновы:

Тут —
Гэта апошняя перамога
Спакойна глядзець на сябе старога.

Мне па-ранейшаму здаецца, што сусед, які старэйшы за мяне толькі на год, вось ён — стары, а я — малады. Нездарма гаворыць народ: свае гады лёгка насіць. Старым сябе адчуваеш, калі не пішацца... Калісьці нехта сказаў: «І стары стаў, і слабы». Пасля паглядзеў вакол і дадаў: «Дый раней гаўно быў...» Я ж гавару, што калі пішацца, на гады забываешся — быццам і не было іх, быццам жыццё зноў пачынаеш. Менавіта таму ад узросту ўцякаю ў працу. Пісанне — гэта свайго роду прыём алкаголю: пішаш і не заўважаеш, як бяжыць час. Памятаеце такі анекдот: выпіў больш, чым мог, але менш, чым хацеў. Калі пішаш, прыкладна такое ж пачуццё ўзнікае.

Рубеж, калі старэеш, вельмі цяжка прайсці, але я ўжо супакоіўся. І вось цяпер трэба яшчэ супакоіцца, што ты нічога не зменіш, што трэба проста жыць, без аніякіх планаў на заўтра.

— Васіль Быкаў любіў паўтараць, што жыве, як той яўрэй, які нешта плануе толькі да суботы.

— Так-так, ёсць яшчэ такая фраза: не трэба адначасова несці тры мяхі. Ведаеце?.. Мех мінулага, мех будучага і мех сённяшняга. Нясі адзін — сённяшняга дня. Дык вось мне б прыйсці да гэтага — што трэба несці толькі адзін мех.

— А Вы колькі несяце?

— Пакуль што атрымліваецца, што нясу тры мяхі адразу.

МАМА
Трэба дома бываць часцей,
Трэба дома бываць не госцем,
Каб душою не ачарсцвець,
Каб не страціць святое штосьці.

— У Вашым эсэ «Дзякуй роднаму слову!» ёсць такое прызнанне: «Калі што-небудзь і зраблю, дык гэта дзякуючы роднай мове, матчынай песні, дзякуючы той, ад каго з калыскі чуў неператузыдзеныя па сваёй ранішняй чысціні, да скону дарагія сэрцу напевы, — маме Акуліне Андрэеўне.

Толькі родная мова можа даць крылы для творчага ўзлёту».

Невыпадкова ж Вы паставілі ў адзін шэраг родную мову і маму сваю Акуліну Андрэеўну. Ці ў другі раз эсэ «І шчырасць іхняя, і ласка...» пачалі наступным чынам: «Мама! Маці! Матуля! Мамачка! Слова гэтае амаль на ўсіх мовах свету гучыць падобна, бо цэлы сусвет змяшчае, бо своеасаблівым паролем з'яўляецца — немаўлятка становіцца чалавекам.

І калі б была воля мая на тое — пачаў бы я азбуку менавіта з літары М: як і ўсё на зямлі, усё ў нас пачынаецца з Маці. Усё ад маці, усё з-пад матчынага сэрца».

Дарэчы тут будзе прыгадаць і адну Вашу думку, якая ёсць у эсэ пра Пімена Панчанку «І словам сцверджу...», пра тое, што «ёсць тры вечныя тэмы, на якіх правяраюцца адначасова талент, майстэрства і няўтойнае ў паэзіі — шчырасць паэта, яго асоба як чалавека, як грамадзяніна», і тэмы гэтыя — маці, радзіма, каханая. І зноў жа спачатку Вы паставілі тэму маці.

— Мама для мяне — гэта канкрэтна ўвасоблены свет; канкрэтна ўвасобленае жыццё — гэта мама. У маме ўвесь свет, усё жыццё, у маме ўвесь я. Свет жа — гэта абстрактнае паняцце: у яго няма твару, няма голасу, няма вачэй, няма нічога канкрэтнага, а мама — гэта канкрэтнае ўвасабленне аблічча свету. І зноў-такі жыццё, твар жыцця, вочы жыцця, сэрца жыцця — гэта мама. Без жыцця няма чалавека, а значыць, і без мамы няма чалавека.

— Нядаўна толькі заўважыў, што вочы ў Вас — маміны.

— Маміны, абсалютна.

— Памятаеце, Васіль Быкаў пісаў, што шмат што ён узяў ад мамы — у першую чаргу мяккасць характару. Васіль Уладзіміравіч лічыў, што гэта дрэнна...

— Па-першае, я бацьку дрэнна памятаю. У мяне ўсё ад мамы. А маме прыходзілася быць... Мама для мяне — самы лірычны чалавек на свеце, самы тонкі, самы чулы, самы пяшчотны. І ў той жа час ёй прыходзілася быць калі не суровай, дык спакойнай, трэба было ўмець пастаяць за сябе, абароны ж ніякай у яе не было. Вельмі цяжкая была гэтая роля, гэта недзе і мне перадалося... Я ж не магу сказаць, што я барацьбіт і такі напорысты... Мне вось калі трэба сустрэцца з кімсьці ў суботу, дык увесь тыдзень буду думаць пра гэта, хоць мой сябра Пётра Кухарскі і раіць: «Не бяры да галавы», але я набіраю ў галаву абавязкова! Думаю: ці спазнюся, ці зусім не прыйду... Ува мне засталася абавязковасць, але здароўе не заўсёды дазваляе быць абавязковым.

Да таго ж мама мая была геніяльны філолаг, хаця фармальна была малаадукаванай. Але па філалагічных ведах роўных ёй не было! Гэта пацвярджалі і Васіль Быкаў, і Валодзя Караткевіч, усе мае сябры, якія ведалі і цанілі беларускую мову.

— Міжвольна прыгадалася, што ў адным з лістоў Акуліна Андрэеўна прасіла пісаць парускую, бо не разумела Вас...

— Справа ў тым, што мама гаварыла на ушацкім дыялекце, ці, калі можна так сказаць, на ушацкай мове, і калі я пачаў пісаць на чыстай літаратурнай, дык ёй не ўсё было зразумела.

— Дарэчы, калі не ўся, дык большасць беларускай літаратурнай інтэлігенцыі паходжаннем пераважна з вёскі. На Ваш погляд, ці наклала гэта на беларускую літаратуру станоўчы адбітак?

— Беларускія паэты непасрэдна звязаны з зямлёй, яны глыбінна беларускага менталітэту. І такая сувязь, у тым ліку з каранямі паганства,

давала непаўторнасць, нацыянальную асаблівасць слову. Цяпер сялянства знікае, і слова становіцца больш тэхнічным і халодным. Я, дапусцім, не супраць таго ж мадэрну, які існаваў, між іншым, яшчэ на пачатку мінулага стагоддзя. Мадэрн — гэта добра, але ў меру. Сёння ж пачынаецца новае ліха — камп'ютарнае мысленне, яно ўжо не мае нацыянальных асаблівасцяў, нацыянальных рыс. І мова ў яго быццам і нацыянальная, але адначасова халаднаватаінтэрнацыянальная. Што ж тычыцца паэтычнай думкі, дык нават у філасофскай паэзіі павінна быць душа. А калі яе няма, тады атрымліваецца ўжо інтэлектуальная дэкламацыя, якая не здольная крануць душу чытача.

Мая мама, паўтаруся, была выдатны філолаг, я вось так не адчуваю і не буду адчуваць мову, як мама. Яна валодала высокім інтэлектам і вялікім педагагічным тактам. Практычна не чытаючы Бібліі, яна змагла падспудна перадаць мне веданне Святога Пісання. Дасюль памятаю: мама была швачка, і вось пасля вайны жонка ваенкама прынесла ёй царкоўную рызу, каб мама пашыла ёй халат, але мама адмовілася — сказала: «Як я буду з рызы халат шыць?!» Аднак я заўсёды гаварыў, што Біблія разлітая ў кожным чалавеку, і любы нармальны чалавек усё адно глядзіць на свет вачамі Бібліі, таму што яна — ад Бога.

Канечне, мама ёсць мама. Кожнаму здаецца, што гэта толькі яго мама — выключная. Так і я лічу. Усё, што ёсць у мяне, — гэта ад мамы: мова, мысленне, вера ў Бога...

Мама памерла ў 1971 годзе. Мяне ахапіла хваля роспачы і самоты, і ў хуткім часе я зусім перастаў піць, паколькі мама гэтага не любіла. І якія б непрыемнасці ў мяне ні былі, адчуваю, што гэта мне помста за маму, таму што калі піў, дык маму, якая па-ранейшаму жыла ва Ушачах, наведваў рэдка. Гэта самы цяжкі мой грэх... Але адчуваю, што мама ўвесь час са мной, што яна мяне бачыць, я чую яе сэрца, яе думкі, таму што ўсю сябе яна ўклала ў мяне. Вось нядаўна ў мяне з'явіліся такія радкі:

Ты пад сэрцам насіла мяне,
А цяпер я нашу цябе ў сэрцы, мама.

Раней у мяне былі Бог, мама і Быкаў. Цяпер застаўся толькі Бог.

Працяг у наступным нумары

Дорогие друзья-коллеги, позвольте представить вам известного журналиста, шестикратного обладателя премии Emmy Award в номинации «Новости и документалистика» Алана Вейса. Он — президент корпорации «Alan Weiss Productions», специализирующейся на новостях и документалистике.

Алан создал документальные ленты о локальных войнах, побывав в «горячих точках» мира от Бейрута до Чечни и Молдовы. Вейс — постоянный автор журнала «Big Open World Magazine», на страницах которого рассказывает об интересных встречах на своем журналистском пути. Господин Вейс любезно предоставил для публикации в журнале «Абажур» свою статью о старейшем американском журналисте, создателе и редакторе ставшего «американской иконой» журнала комиксов «Mad» Альберте Фелдстейне.

Я постарался перевести текст как можно более точно. И для того, чтобы рассказать, как в Америке можно стать национальным героем посредством комиксов. И для того, чтобы продемонстрировать работу американского коллеги Алана Вейса.

С приветом и наилучшими пожеланиями
Владимир Гутковский, Нью-Йорк

Портрет
из книги-иконы комиксов

Алан Вейс (Alan J. Weiss), США

Если вы погружены в мир книги комиксов, то гигантская San Diego Comic Con (конференция комиксов в Сан-Диего) — наиболее близкая к небесам высота, куда вы можете подняться, не имея крыльев и ореола. Более чем 130 тысяч людей — почти вдвое больше участвующих в Супер Боуле — устремляются сюда на четырехдневное мегамероприятие.

По словам Рона Ричардса, San Diego Comic Con сформировалась из любительской группы, которая более чем 30 лет назад организовала праздник комиксов. «И нескоро, годы спустя, Голливуд создал видеоигры об этом. Теперь это место сбора всех составляющих поп-культуры, будь то книги комиксов, фильмы или видеоигры», — поясняет Ричардс.

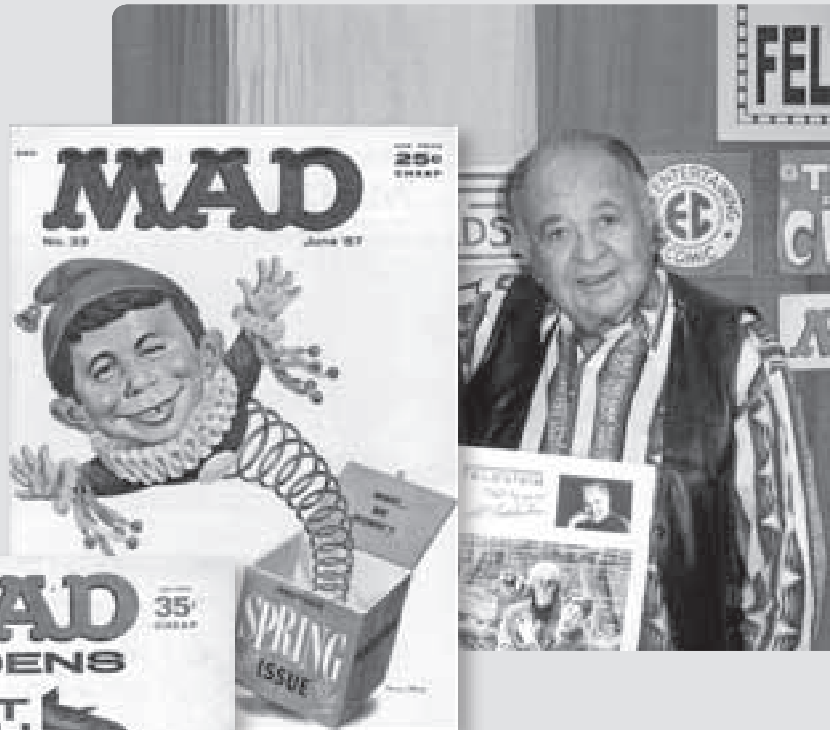
Экспозиция из тысяч комиксов и сотен экспонатов, представленных в выставочном зале, настолько велика, что под ней легко может скрыться авианосец класса «Нимиц». Посреди грохота и рева этой Мекки маркетинга вы сможете найти «Spider-Man» № 1, продажа которого превысила продажи Mercedes-Benz SLK-класса, «халявные» плакаты и футболки, рекламу предстоящих фильмов и поставщиков и бесконечный спектр лицензированных продуктов.

Одной из неизменно популярных достопримечательностей является «Аллея художников». Здесь можно запросто оказаться рядом с людьми, которые обладают действительно супервластью. Используя только чернила, перья и кисти, они

способны перенести супергероя или суперзлодея в жизнь.

На «Аллее», разложив вокруг себя свои работы, разместились множество художников. Вероятно, нет другого места на планете, где можно увидеть вживую столько талантов в непосредственной близости. Это «пир» для сумасбродных фанатов, желающих получить автографы. Особенно популярен стол, за которым сидит один из основателей комиксов, живая легенда — Ал Фелдстейн.

«Я думаю, что являюсь наиболее известным из тех, кто предложил общественности ужасы в комиксах 50-х, — мягкий голос Фелдстейна трудно услышать среди шума. — Я создал "Байки из склепа" (первоначально — "Склеп-террор") в виде комиксов».



Действительно, задолго до того как «Байки из склепа» стали популярным сериалом, они были книгой комиксов, изданной EC Comics в 1950 г. И более чем полвека спустя почитатели оценивают все другие работы этого жанра, сравнивая с теми первыми комиксами EC.

Коллекционер Джон Готхолд уверен: «Компания "EC Comics" установила ориентир для больших комиксов. После никогда и никто не делал комиксы лучше, чем EC. EC вдохновляли всех нас».

Как и большинство поклонников, Готхолд принес комиксы, для того чтобы Ал подписал их: «Ал Фелдстейн — не просто редактор. Он — писатель. Он — парень, который сделал это все. Поэтому мы многим обязаны этому человеку».

Еще в 50-х комиксы производили фурор и привлекали большой интерес. Особенно те, что выделялись надписью «ужас». Каждый уважающий себя кондитерский магазин не обходился без стойки комиксов. Яркие, захватывающие комиксы EC создавались с целью привлечь внимание читателей-подростков, отвлечь от конкурентных «костюмированных крестоносцев».

Послевоенные «Оззи и Харриет» — бесплодны и социально стерильны. Что подстегиваемые гормонами тинейджеры могли противопоставить мрачному влечению к полуодетой женщине и топору маньяков? Графические фильмы, такие как «Техасская резня бензопилой» и «Хеллоуин», появились десятилетия спустя. Очень страшное кино своей эпохи — «Счастливые дни» — по сути, больше впечатляло «ползущей» музыкой и тенями, чем шокирующим изображением.

И хотя большинство родителей были шокированы растущей популярностью комиксов ужасов, взрослые сознавали, что мораль рассказов EC традиционна: зло никогда не побеждает.

«Я чувствую, что моя моральная структура основана на этих невероятных историях противоборства добра и зла», — говорит Томас Деккер.

Это признание интересно не только потому, что Деккер родился лет через сорок после расцвета EC. Двадцатидвухлетний Томас Деккер

имеет большой опыт работы в жанре «насильственных» фэнтези. Он сыграл молодого Джона Коннора в телевизионных «Хрониках Сары Коннор». Деккер говорит, что он вырос на чтении комиксов Ала: «Я думаю, общество должно знать, что существует огромное количество людей моего поколения и даже младше, которые до сих пор полностью соединены с этими комиксами. Это по-прежнему имеет действительно очень важное значение для нас». По утверждению Деккера, его сверстники признаются во влиянии комиксов на их силу и интеллект.

Кроме комиксов ужасов Ал известен также работами в жанре криминальной и научной фантастики. Космические корабли и пришельцы — его конкретная специальность.

Приготовив комиксы «Странные науки», один из фанов просит Ала о фотоснимке на память.

«Ал Фелдстейн — один из пионеров. Он участвовал в создании ряда наиболее тиражных книг комиксов, — говорит Тексан Бен Сэмюэлз, вынимая для автографов пачку комиксов, достаточно большую для того, чтобы заставить писателя вздрогнуть. — Он является сокровищем жизни, и я хочу получить столько подписей, сколько возможно».

Ал говорит, что удивлен сегодняшними высокими ценами на старые издания: «За художественное оформление обложки платили когда-то 35–40 долларов. Сегодня некоторые из этих изданий идут более чем за 20 000 долларов».

Ал Фелдстейн на протяжении 29 лет был редактором журнала «Mad». Ему пришлось пережить эпоху обвинений, когда общество всерьез было уверено, что именно комиксы превращают американских подростков в бунтарей и даже приводят их к гибели.

С точки зрения Ала, однако, рисованные ужасы призывают относиться к жизни с юмором. Под его редакцией (с середины 50-х до средины 80-х годов) «Mad» превратился из коллекции смешных страниц в серьезное, уважаемое культурно-знаковое издание, которое к тому же продолжало смешить.

И «глупый, скалящий зубы» Альфред Ньюман получил статус национальной знаменитости. По словам Ала, ныне знаменитое лицо шокировало людей со стендов на дорогах и в печатных изданиях с начала 1900-х годов: «Его лицо появилась в коллекции Ballantine “Mad” комиксов в мягкой обложке. Редактор мягкой обложки, Берни Шир-Клифф, поместил это лицо на обложке, и когда я увидел его, то почувствовал, что это замечательный логотип для “Mad”! Потому что все это пришлось на эпоху, когда каждая корпорация имеет или ищет свой неповторимый “народный” логотип, как, например, лай собак в RCA, “Зеленый гигант” или “братья Смит”».

Что до имени малыша, то все получилось просто. В начале работы над книгами комиксов Ал часто писал под псевдонимом Альфред Ньюман. История родилась!

Ал видел в роли читателей «Mad» как подростков (особенно подростков!), так и людей взрослых. От учителей до работников больших корпораций и даже высоких должностных лиц.

«Мы пытались научить всех скептически относиться к тому, что они прочитали, увидели и услышали. Чтобы люди читали между строк. Это касается и статей, и передовицы, и рекламы. Не принимать что-либо без анализа и верить прежде всего в то, во что вы хотите верить, а не в то, что вам скармливают», — говорит Ал.

Писатель, издатель и звезда кинофильма «Каратель» Томас Джейн утверждает, что Ал Фелдстейн и журнал «Mad» изменили его жизнь и отношение к действительности.

«Mad» также изменил и жизнь Ала. Успех журнала позволил Фелдстейну смеяться всю дорогу до банка. Бывший ребенок из Бруклина, рожденный в годы Великой депрессии, Ал с женой Мишель сейчас живет на ранчо в 270 акров в штате Монтана. Лошадей, лам и других животных на ранчо Фелдстейна достаточно, чтобы потонул библейский ковчег. Благодаря галерее и собственному веб-сайту www.alfeldstein.com Ал продает свои произведения коллекционерам по всему миру. И хотя в живописи Фелдстейн предпочитает западные пейзажи и дикую фауну и флору, для поклонников ЕС он создает свои популярные комиксы.

...Вернемся к столу Фелдстейна на Comic Con. Ал подписывает еще одну книгу комиксов. Ее бумага хрупкая и пожелтевшая. Комиксы ведь печатали на дешевой бумаге, не подозревая, что они проживут дольше тех, кто их сделал.

«Я никогда не ожидал, что наши работы попадут к коллекционерам. Что они будут заветными и ценными. Все это является для меня большим сюрпризом», — признается Ал.

Ал Фелдстейн удостоен высшей премии в мире комиксов — он представлен в престижном Зале Славы Will Eisner Hall of Fame.

Но для десятков фанатов, выстроившихся к его столу, заполненному старыми книгами, и терпеливо ждущих своей очереди получить автограф и перемолвиться с мастером словечком, это обстоятельство не является существенным.

Газета «Не дай Бог!» возродится к выборам российского президента

Владимир РУВИНСКИЙ,
www.bbc.co.uk/russian

За месяц до президентских выборов в России вновь появится агитационная газета «Не дай Бог!» — одноименный аналог той, что помогала Борису Ельцину одолеть в избирательной кампании 1996 года Геннадия Зюганова. На этот раз газету взялись издавать совсем другие люди и с совершенно иными целями.

«Это предвыборный проект», — подтвердил Би-би-си бывший главный редактор «Известий» Владимир Мамонтов, который в новом издании будет отвечать за редакционную часть. Газета начнет выходить в феврале, когда будет официально разрешена предвыборная агитация, тиражом в несколько миллионов экземпляров. Как пояснил Мамонтов, издание намерено рассказывать о вреде революций, их «бенефициарах» и пользе «нормального развития в условиях честных выборов», газета не будет пропутинской, в ней смогут высказаться все политические силы.

Кто стоит за изданием и на чьи средства будет выходить газета, Владимир Мамонтов уточнять не стал: «Понятия не имею. Мне самому любопытно. Мне было сказано: "Редакционная политика — твое, все остальное — не твое". Я по своей старинной привычке и согласился».

Управлять финансами в издании будет экс-директор медиагруппы «Живи!» Юрий Кацман. «Живи!» принадлежит группе ОНЭКСИМ бизнесмена Михаила Прохорова, который баллотируется в президенты России на мартовских выборах.

Известный предшественник

Общефедеральных газет, приуроченных специально к выборам, в России не издавалось со времен прихода к власти Владимира Путина. Новый проект привлек внимание медиасообщества еще и потому, что его название «Не дай Бог!» апеллирует к одноименной пропагандисткой газете 1996 года, издававшейся 10-миллионным тиражом силами журналистов газеты «Коммерсантъ» с целью не допустить избрания президентом коммуниста Геннадия Зюганова.

Наряду с плакатами «Купи еды в последний раз!» и концертным туром «Голосуй или проиграешь» эта газета была самым одиозным символом той предвыборной кампании, сформировавшей почти все российские традиции переизбрания действующих лидеров.

Если тогда российские граждане выбирали между Зюгановым и Ельциным, то сейчас политологи не исключают, что россияне встанут перед альтернативой: Зюганов или преемник Ельцина.

Владимир Мамонтов утверждает, что издание не ставит себе задачу поддерживать одного кандидата. «Мы ни за кого, ни против кого. Мы за спокойное развитие России в конституционном поле. Никаких революций и погромов», — утверждает он.

В 1996 году общество было расколото на два непримиримых лагеря — коммунистов и антикоммунистов, и появление агитационной газеты в тех условиях выглядело логичным. «Сейчас общество в известной степени тоже поделено на определенные группы — социальные, имущественные. Особенно когда пошли протесты, стало ясно, какие разные люди кругом», — говорит главный редактор возрождаемой газеты «Не дай Бог!», признавая некоторую аналогию с 1996 годом.

Впрочем, Мамонтов считает, что уличные протесты — не главное. По-настоящему серьезное недовольство нарастает в регионах, которым нужно дать слово. Им в первую очередь и будет адресована газета.

Редакционная политика

Статьи по большей части будут писать не журналисты редакции. «Мы хотим быть скорее площадкой и трибуной, нежели группой или кастой,

которая всем расскажет, как надо жить», — поясняет главред.

В качестве примера того, о чем будет писать газета, Мамонтов привел уже полученный материал от известного украинского журналиста. «В нем достаточно саркастически и подробно описывается история “оранжевой революции” сначала, а потом — условно назовем ее — контрреволюции. Это интересный материал, и каждая строчка в нем — повод поразмышлять для меня над своим будущим, будущим России», — поясняет Владимир Мамонтов.

Журналисты, писавшие и издававшие «Не дай Бог!» в 1996 году, сходства своего издания с новым проектом не видят, за исключением того, что оба — предвыборные агитки. «Это очень хорошо. Потому что это политические методы борьбы. <...> Это принципиально лучше, чем посадить оппонента в тюрьму или застрелить в подъезде», — высказался по этому поводу Валерий Панюшкин в интервью OpenSpace.ru.

Политолог Глеб Павловский считает, что новый проект работает на снижение уровня политической дискуссии. «Идея превратить историю, историю революции в какую-то нарезку, где будет доказано, что всякая революция была результатом происков — все равно чьих... Это признак общего политического вырождения — бессмысленного, потому что не понятно, кто с кем пытается разговаривать таким образом», — заявил Павловский.

Владимир Мамонтов скепсис не разделяет и обещает предоставить возможность высказаться и оппозиции, заметная часть которой не поддерживает идеи революции и выступает за эволюционные перемены политического ландшафта в России. «Все хотят мирного развития. Но внутри этой политической истории [митинги протеста против фальсификаций выборов] могут быть конкретные политические интересы, которые жесточайшим образом могут быть проведены. У нас есть опыт, как это делалось в ближнем зарубежье, как это делалось в Египтах и прочих Сириях», — заявил Владимир Мамонтов.

Однажды в Бресте,

или Судьба и смерть племянника «железного Феликса»

Игорь КЕЗ,
полковник запаса органов КГБ

В самом конце 1939 года в Бресте в поле зрения органов НКВД попал местный служащий по фамилии Дзержинский.

Звали его Вацлав Юстинович, был он 1905 года рождения, уроженец г. Бердичева, поляк, беспартийный, с высшим образованием — окончил Варшавский лесной институт. Проживал на ул. 3-го Мая, дом 84. По этому адресу (ныне это ул. Пушкинская) он снимал квартиру вместе с женой и малолетним сыном Войцехом.

В постановлении на арест, утвержденном начальником Управления НКВД по Брестской области капитаном госбезопасности Сергеевым 2 января 1940 года и санкционированном прокурором Брестского района, указано, что Дзержинский В. Ю., будучи директором Брестского лесхоза, не выполнял указания областного Управления лесничества об отпуске древесины населению, чем вызвал недовольство людей советской властью. На этом основании он был подвергнут обыску и аресту 4 января 1940 года.

Протокол обыска сухо информирует о том, что было изъято: *«юбилейная книга училища — 20-летие; разная переписка — на 9 листах; фотопленка — 1; фотонегативы — 12; книжка антисоветского содержания — на 18 листах»*.

В деле имеется «Приказ № 10 по Брестскому областному управлению лесничества от 31 декабря 1939 года». В нем отмечается, что *«Дзержинский при организации лесхоза, несмотря на проведенные совещания, нарушал порядок отпуска леса населению, производил аресты дров... которые население вывозило для реализации на рынок»*.

Далее в приказе предписывалось: *«Дзержинского, лесничего Пружанского лесничества Веревкина, Брестского лесничества Микалаевского, Высоко-Литовского лесничества*

Дрогочинского — с работы снять и материалы о злоупотреблениях передать прокуратуре для привлечения к судебной ответственности...» Подпись — *«Дошков И. А.»*.

В анкете арестованного В. Ю. Дзержинский собственноручно приводит данные о своих родственниках:

«Отец — Дзержинский Юстин Фомич, проживает в Варшаве.

Мать — Дзержинская Ядвига, умерла в 1928 году.

Жена — Дзержинская Юзефа Михайловна, 1917 г. р.

Сын — Войцех, 3 года.

Брат — Дзержинский Фадей Юстинович, майор запаса, 52 года, проживает в Варшаве.

Сестра — Янина Юстиновна, 30 лет, учительница в Варшаве.

Сестра — Ванда, 37 лет, Министерство торговли, чиновник, проживает в Варшаве.

Сестра — София, Министерство торговли, проживает в Варшаве.

Ее муж — Гилевич Ярослав, инженер коммунального хозяйства, проживает в Варшаве.

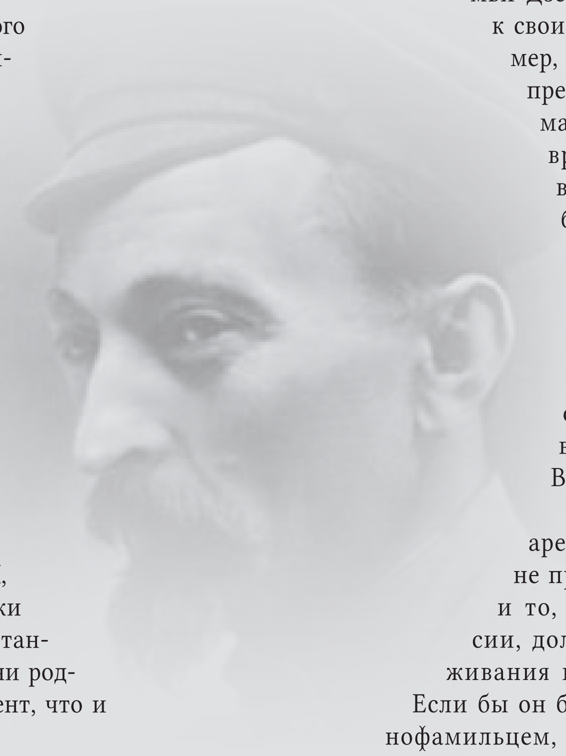
Сестра — Галина, домохозяйка.

Ее муж — Лининдорф Фадей, владелец фабрики канцелярских принадлежностей, проживает в Варшаве.

Сестра — Вячеслава, 45 лет. Муж Тешский Ежи, проживает в г. Радом».

Видимо, здесь перо арестованного сделало паузу, он искал формулировку, чтобы обозначить следующего родственника, — и рука его вывела:

«Брат моего отца — Дзержинский Феликс Эдмундович, ранее в СССР работал председателем ЧК, умер» (выделено нами. — *Авт.*).



Проще было бы написать — *«дядя»*, но *«брат моего отца»* звучит, пожалуй, убедительнее, весомее, спасительнее для арестованного (а вдруг примут во внимание такое родство, разберутся в необоснованности обвинения и отпустят...). И, посмотрите, другие родственники в анкете вписываются уже по стандарту, хотя они в такой же степени родства с заполняющим этот документ, что и Ф. Э. Дзержинский:

«Дядя — Дзержинский Казимир Эдмундович, 60 лет, пенсионер, проживает в имении Дзержиново Столбцовского района.

Дядя — Дзержинский Игнатий Эдмундович, 58 лет, чиновник Министерства просвещения, проживает в г. Варшаве.

Дядя — Дзержинский Владислав Эдмундович, 56 лет, доктор медицины, проживает в г. Лодзь».

Видимо, прочтя анкету и споткнувшись на родстве допрашиваемого с человеком, который стоял у истоков ЧК, старший следователь Брестского УНКВД Щукулев задает уточняющий вопрос, занесенный в протокол: *«Дзержинский Феликс Эдмундович — родной брат Вашего отца?»*

Ответ: *«Нет, двоюродный, но точно родство определить не могу»*.

Теперь уже и не узнать, поверил ли следователь тому, что перед ним сидит действительно родственник Ф. Э. Дзержинского, причем, достаточно близкий, — двоюродный племянник. Возможно, для него и не играло существенной роли, является это правдой или вымыслом ради облегчения участи. Мы же, стремясь опираться лишь на факты, в процессе работы над этим материалом решили проверить приведенные в анкете сведения и нашли в польских генеалогических источниках следующее.

Род Дзержинских был достаточно разветвленный и многодетный. Отец Феликса Эмундовича — Эдмунд Руфин Дзержинский, проживавший в наследственном имении Дзержиново Ошмянского уезда Виленской губернии, имел девять сестер и братьев. Одним из них был Томаш (в русском варианте — Фома) Юстин, старше Э. Р. Дзержинского на семь лет. Члены семьи Дзержинских не были привязаны к своим фамильным гнездам. Например, Эдмунд Руфин, отец будущего председателя ЧК, будучи учителем математики и физики, какое-то время преподавал в гимназии в Таганроге, где его учеником был юный Антон Чехов, чему есть документальное подтверждение. Так же и линия семьи старшего брата Э. Р. Дзержинского Томаша Юстина, а точнее, его сын Юстин (Юстин Фомич) оказался в Бердичеве, где у него в 1905 году родился мальчик Вацлав.

В подтверждение того, что арестованный В. Ю. Дзержинский не придумал себе родства, говорит и то, как точно он указал профессии, должности, возраст и места проживания перечисленных в анкете лиц. Если бы он был всего лишь случайным однофамильцем, разве решился бы в столь напряженной ситуации допроса усугублять в общем-то административное обвинение (препятствование в разбазаривании дров) приписыванием себе несуществующей семейной близости с «железным Феликсом», что имело бы уже политический окрас? Уточнение *«Нет,*

Этот памятник возвышается в городе над Бугом на территории Брестской Краснознаменной пограничной группы имени Ф. Э. Дзержинского

14-летняя сестра Ф. Э. Дзержинского, а в 1917 году был убит грабителями его брат Станислав.

Игнатий Эдмундович Дзержинский, на два года младше брата, ушедшего в революцию, пошел по отцовской учительской стезе, окончив физико-математический факультет Московского университета. Он умрет уже в социалистической столице Польши в 1953 году. Младший из братьев — Владислав Эдмундович Дзержинский, профессор медицины, невролог, автор первого польского академического учебника по неврологии, полковник Войска Польского, будет расстрелян гестаповцами в 1942 г. под Лодзью.

А теперь вернемся к протоколу допроса В. Ю. Дзержинского, где содержатся следующие сведения о нем:

«В 1931 г. окончил лесной институт в г. Варшаве. В 1933 году работал в г. Станиславе, на Западной Украине, в должностях лесохранителя; с 1934 по 1936 г. — в Коссово-Полесском, лесничим (это нынешний Ивацевичский район. — *Авт.*)*; с 1936 по 1938 г. — в Варшаве референтом дирекции лесов. В 1939 г. переведен в г. Сарны Луцкой области на должность зам. надлесничего, затем до 16 сентября 1939 г. работал надлесничим. В ноябре 1939 прибыл в г. Брест, где работал директором лесхоза»*.

двоюродный, но точно родство определить не могу» вроде бы наводит на некоторые сомнения. Но если принять во внимание обширность рода Дзержинских, разбросанного революцией и последующими событиями, а также то, что с Феликсом Эдмундовичем Вацлаву вряд ли когда-либо доводилось общаться, можно понять некоторую неуверенность в ответе. Следует также учитывать состояние страха, растерянности, подавленности 34-летнего допрашиваемого.

Теперь чуть подробнее о некоторых из перечисленных в анкетном списке родных братьях Ф. Э. Дзержинского, также двоюродных дядях Вацлава.

Казимир Эдмундович Дзержинский, инженер, получивший техническое образование в Карлсруэ (Германия), старше Феликса Эдмундовича на два года, будет в 1943 г. вместе с женою расстрелян как участник антигитлеровского сопротивления в своем родном Дзержиново. Это фамильное гнездо и ранее омрачалось трагедиями: здесь в 1882 году при неустановленных обстоятельствах погибла Ванда Дзержинская,

Подследственный, видимо, все-таки сохранял присутствие духа, стремясь спокойно и аргументировано отвести от себя наветы насчет саботажа и антисоветских настроений:

«Обвинение в том, что задерживал крестьян, везущих дрова на рынок, что саботировал мероприятия Советской власти, отрицает. Обвинение в том, что хранил книгу антисоветского содержания, В. Ю. Дзержинский отрицает. Он пояснил, что проживал с семьей на квартире хозяйки, эта книга, примерно 1918—1920 года издания, лежала на этажерке, принадлежала хозяйке.

Ознакомление с “книгой” показывает, что это брошюрка, изданная в Варшаве, на папиросной бумаге размером 3х5 см. Тексты в виде лозунгов, антисоветских воззваний периода гражданской войны».

В деле имеются также данные, что В. Ю. Дзержинский рассказывал следователю о притеснениях его польскими властями, что было связано

с местью с их стороны за работу дяди на посту председателя ВЧК. Этим объясняется частая перемена мест работы.

К родным в Варшаву в 1939 году не выехал, так как считал, что ему нечего опасаться Советской власти.

Дело на В. Ю. Дзержинского было прекращено в связи со смертью обвиняемого, которая наступила в больнице брестской тюрьмы 8 июля 1940 года. Лаконичный акт о смерти гласит:

«Начальник тюрьмы
сержант госбезопасности
Шафоростов.

8 июля 1940 г.

Мы, нижеподписавшиеся ст. дежурный тюрьмы Старченко и дежурный медперсонала врач Шульман, составили настоящий акт в том, что Дзержинский Вацлав Юстинович, 1905 года рождения, находился на излечении в больнице тюрьмы с 05.07.1940 г. по 08.08.1940 г. по поводу ревматического воспаления суставов и декомпенсированного порока сердца.

Скончался от недостаточности сердечной деятельности.

Ответственный дежурный тюрьмы
(Подпись)
Деж. мед. персонала
(Подпись)».

В ноябре 1958 года архивное дело на В. Ю. Дзержинского было затребовано КГБ СССР и рассмотрено следственным Управлением КГБ. В вынесенном затем постановлении, в частности, отмечается:

«Следствием (в 1940 г.) не было добыто никаких фактов объективных доказательств вины Дзержинского в государственных преступлениях. Наоборот, в деле имеются данные о том, что Дзержинский В. Ю. как родственник Ф. Э. Дзержинского до 1939 года преследовался польскими властями. <…>

1. Постановление следственной части УНКГБ БССР от 14 марта 1941 г. отменить;

2. Дело по обвинению Дзержинского Вацлава Юстиновича прекратить по признакам п. 5 ПК РСФСР, т. е. за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления…

24 ноября 1958 г.

Зам. начальника 1 отдела
следственного Управления КГБ
при СМ СССР
майор Пичугин.
Начальник 1 отдела следственного
Управления КГБ при СМ СССР
полковник Майоров».

В январе 1960 года с письменным заявлением в адрес начальника Управления КГБ по Брестской области обратился Войцех Дзержинский:

«Начальнику УКГБ по Брестской области
Войцеха Дзержинского

Заявление

В 1940 году мой отец — Вацлав Юстинович Дзержинский был арестован органами госбезопасности в Бресте. Находясь в тюрьме, отец в том же году умер.

В 1958 году по ходатайству моих родственников было пересмотрено дело моего отца, и я в частном письме был уведомлен, что он реабилитирован.

Прошу Вас выдать мне документ, подтверждающий реабилитацию моего отца, и выдать вещи и документы его, которые представляют для меня фамильную ценность.

Войцех Дзержинский,
Проживаю: Варшава (улица, дом, кв.)»

На заявлении есть пометка:

«Документ о реабилитации, фотокопии и 12 фотонегативов пленочных высланы в МВД СССР».

И далее имеется расписка:

«Мною, Дзержинским Войцехом Вацлавовичем, получена переписка отца — Дзержинского Вацлава Юстиновича, изъятая при аресте, на 9 листах.

28 января 1960, г. Брест.

Войцех Дзержинский».

Так завершилась эта история. Возможно, она еще найдет свое продолжение, когда отыщутся дополнительные материалы, фотографии, сведения о судьбе семьи В. Ю. Дзержинского. Мы же, готовя эту публикацию, не ставили себе целью преподнести некую сенсацию, а всего лишь стремились отобразить еще одну страницу былого, следуя завету Твардовского:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Как бы ни была горька…

У рэйтынгу свабоды прэсы Беларусь апусцілася да 168-й пазіцыі са 179 магчымых

«Беларусь пагоршыла свае пазіцыі і апусцілася да 168-й пазіцыі са 179 магчымых у рэйтынгу свабоды прэсы, які складае міжнародная праваабарончая арганізацыя “Рэпарцёры без межаў”», — перадае БелаПАН.

Жорсткае задушэнне пратэстаў пасля прэзідэнцкіх выбараў у снежні 2010 года прывяло да зніжэння рэйтынгу Беларусі на 14 пунктаў, гаворыцца ў справаздачы арганізацыі.

Рэйтынг узначальваюць Фінляндыя і Нарвегія, дзе сітуацыя са свабодай прэсы з’яўляецца найлепшай. Потым ідуць Эстонія, Нідэрланды, Аўстрыя, Ісландыя і Люксембург. Польшча займае 24-е месца, Літва — 30-е, Латвія — 50-е, Малдова — 53-е, Арменія — 77-е, Грузія — 104-е, Кыргызстан — 108-е, Украіна — 116-е, Таджыкістан — 122-е, Расія — 142-е, Казахстан — 154-е, Узбекістан — 157-е. Замыкаюць рэйтынг Туркменістан (177-е), Паўночная Карэя (178-е) і Эрытрэя (179-е).

Рэйтынг свабоды прэсы складаецца паводле звестак 15 арганізацый, якія займаюцца абаронай свабоды самавыяўлення на ўсіх кантынентах. Гэтыя партнёрскія ўстановы запаўняюць анкету з 43 пытанняў.

Трэба адзначыць, што месца краіны ў рэйтынгу залежыць не толькі ад яе ўласных паказчыкаў, але і тых звестак, якія падалі іншыя дзяржавы.

Новым прафесійным прыёмам навучалі беларускіх журналістаў эксперты медыяінстытута FOJO Мары Кронмаркер са Швецыі і датчанін Ларс Мёлер